

ВАЛЕНТИН
ПИКУЛЬ



ТРИ
ВОЗРАСТА
ОКИНИ-САН



Русско-японская война – Дальний Восток

Валентин Пикуль

Три возраста Окини-сан. Том 1

«ВЕЧЕ»

1981

Пикуль В. С.

Три возраста Окини-сан. Том 1 / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ»,
1981 — (Русско-японская война – Дальний Восток)

ISBN 978-5-4444-9074-7

Центральная сюжетная линия сентиментального романа «Три возраста Окини-сан» – драматическая судьба Владимира Коковцева, прошедшего путь от мичмана до адмирала российского флота. В. С. Пикуль проводит своего героя через события, во многом определившие ход мировой истории в XX веке – Русско-японскую и Первую мировую войны, Февральскую и Октябрьскую революции. Показана сложная политическая обстановка на Дальнем Востоке, где столкнулись интересы России, Англии и Японии. Интерес к истории русского Дальнего Востока у В. С. Пикуля пересекался с увлечением Японией, стремлением познать ее искусство, природу и людей. Концовка романа во многом навеяна старинной японской гравюрой, на которой изображены мужчина и женщина, бросающиеся в море, чтобы прервать так неудачно сложившуюся жизнь.

ISBN 978-5-4444-9074-7

© Пикуль В. С., 1981

© ВЕЧЕ, 1981

Содержание

Возраст первый. Далекие огни Иносы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Валентин Пикуль

Три возраста Окини-сан. Том 1

© Пикуль В.С., наследники, 2011

© ООО «Издательство «Вече», 2011

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Супружеской чете Авраамовых – Эре Павловне и Георгию Николаевичу, в семье которых уже три поколения служат Отечеству на морях.

Возраст первый. Далекие огни Иносы

*Вдвоем или своим путем,
И как зовут, и что потом,
Мы не спросили ни о чем,
И не клянемся, что до гроба...
Мы любим.
Просто любим оба.*

Ёсано Акико

Это случилось недавно – всего лишь сто лет назад.

Крепкий ветер кружил над застывшими гаванями... Владивосток, небольшой флотский поселок, отстраивался неряшливо и без плана, а каждый гвоздь или кирпич, необходимый для создания города, прежде совершал кругосветное плавание. Флот связывал окраину со страной по широкой дуге океанов, корабли дважды пересекали экватор. Экипажи, готовые миновать не один климатический пояс, запасались тулупчиками от морозов и пробковыми шлемами от солнечных ожогов в тропиках. Европа прощалась с ними в тавернах Кадикса – теплым *amontilado* в бокалах и танцами испанок под гитару.

Оторванность от метрополии была невыносимо тягостна. Город еще не имел связи с центральной Россией, во тьме океанской пучины он выстелил лишь два телеграфных кабеля – до Шанхая и Нагасаки. Обыватель Владивостока, страдающий зубной болью, не надеялся достичь Иркутска – он покупал билет на пароход «Ниппон-Мару» и через 60 часов оглушительной качки имел удовольствие оказаться в удобном кресле любезного дантиста. Наши прекрасные дамы излечивались от тоски на минеральных водах Арима, где их, словно гейш, разносили к источникам неутомимые дженерикши.

Восточный фасад великой империи имел заманчивое будущее, но его оформление было нелегким. Дороговизна царила тут страшная. Книжонка, стоявшая в Москве полтину, дорожала в дороге столь быстро, что попадала во Владивосток ценою уже в пять рублей. Тигры еще забегали из тайги в город, выедали из будок сторожевых собачек, по ночам кидались на часовых у складов, до костей обгладывали носильщиков-кули. Нищие обычно говорят: «Что бог даст»; во Владивостоке говорили: «Что флот даст». Флот давал все – даже кочерги и печные выюшки, лопаты и колеса для телег; матросы лудили бабкам кастрюли, боцмана, кляня все на свете, паяли дырявые самовары. Здесь, на краю России, было неуютно людям и неудобно кораблям. Сибирская флотилия (эта одичалая и отверженная мать будущего Тихоокеанского флота) имела тогда в Японии постоянные «станции», где корабли привыкли зимовать, как в раю, и ремонтироваться, как у себя дома.

Дальний Восток приманивал моряков не только первобытной романтикой: тут платили повышенное жалованье, возникало больше надежд на скорую карьеру. Правда, не хватало женщин, и любая невеста во Владивостоке, на которую в Сызрани никто бы и не посмотрел, здесь становилась капризна, отлично разбираясь в числе шевронов на рукавах матросов, в количестве звезд на офицерских эполетах.

Один за другим плыли и плыли корабли – океанами!..

А великое постоянство пассатов сокращало пути-дороги.

Пора заглянуть в календарь: была весна 1880 года...

К тому времени Владивосток уже обзавелся собственным гербом: уссурийский тигр держал в лапах два золотых якоря.

...

Подхваченный ликованием весенних пассатов, парусно-винтовой клипер «Наездник» пересек Атлантику по диагонали, спускаясь к устью Ла-Платы, откуда мощный океанский сквозняк потянул его дальше – к мысу Доброй Надежды. В паузах неизбежных штилей офицеры допили казенную мадеру, команда прикончила последнюю бочку солонины. В запасе оставались жирный, никогда не унывающий поросенок и две даровые газели, закупленные у португальцев на островах Зеленого Мыса.

Пустить их в общий котел команда отказалась.

– Помилуйте, вашбродь, – доказывали матросы, – они же с нами играют, как детки малые, а мы их жрать будем?

– Но тогда вам предстоит сидеть на одной чечевице. Без мяса, – пригрозил командир, – до самого Кейптауна.

– Премного благодарны, вашбродь. А ежели разочек в неделю макаронцами угостите, так нам боле ничего и не надобно...

Макароны тогда считались «господской» пищей. Офицеры доедали жесткие мясные консервы, которые мичман Леня Эйлер (потомок великого математика) прозвал «мощами бригадира, геройски павшего от почечушной болезни». Русский консул в Кейптауне оказался большим растяпой: почту для «Джигита» передал на «Всадника», а почту для «Всадника» вручил экипажу «Наездника». Старший офицер клипера Петр Иванович Чайковский флегматично рассуждал за ужином в кают-компании:

– Не бить же нам его, глупенького! Очевидно, консулу никак не освоить разницы между всадником, джигитом и наездником... Господа, – напомнил он, – прошу избегать закоулков по «изучению древних языков» мира. Обойдетесь и без этого! Лучше мы посетим обсерваторию Капштадта, где установлен величайший телескоп. Созерцание южных созвездий доставит вам удовольствие большее, нежели бы вы глазели на танец живота местной чертовки. Молодежь флота обязана проводить время плавания с практической пользой.

При этом Чайковский (педант!) выразительно посмотрел на мичмана Владимира Коковцева, которому лишь недавно было дозволено нести ночную вахту под парусами. Совсем молодой мичман, конечно, не удержался от вопроса – правда ли, что в Японии можно завести временную жену, никак не отвечая за последствия этого странного конкубината?

– Все так и делают... Но я не сказал еще главного, – продолжил старший офицер клипера, раздвоив пальцами бороду. – Консул передал распоряжение из-под «шпица» не полагаться на одни лишь ветры, а помогать парусам машиною. На смену восточному кризису в делах Памира, из которого нам, русским, лаптей не сплести, явился кризис дальневосточный, и тут запахло гашишем. Лондон все-таки убедил пекинских мудрецов, чтобы собрали свои армии у Кульджи для нападения на Россию! Потому будем поторапливаться в Нагасаки, где «дядька Степан» собирает эскадру в двадцать два боевых вымпела...

Время было беспокойное: Англия, этот искусный машинист международных интриг, наслаивала один кризис на другой, держа мир в постоянном напряжении; «викторианцы» окружали Россию своими базами, угольными складами и гарнизонами, нарочно запутывали политику, и без того уже запутанную дипломатами. Со дня на день русские люди ожидали войны.

Минный офицер, лейтенант Атрыганьев, в свои тридцать пять лет казался мичманам уже стариком. Коллекционер в душе, он бдитительно суммировал плутни коварного Альбиона, любовно наблюдал за нравами женщин всего мира и был неплохим знатоком японского фарфора... Сейчас лейтенант сказал:

– Господа! Вам не кажется трагичным положение нашего российского флота? Ведь мы крутимся вокруг «шарика» с протянутой дланью, словно нищие. Пока что англичане торгуют

углем и бананами, но представьте, что однажды они заявят открыто: stopping!.. Интересно, куда мы денемся?..

Кейптаун был переполнен британскими солдатами в красных мундирах, спекулянтами и аферистами, шулерами и куртизанками: солдаты понаехали, чтобы размозжить пушками восстание зулусов, другие – нажиться на «алмазной лихорадке», уже сотрясавшей разгневанную Африку; внутри черного континента империализм свивал мерзкое гнездо, в котором пригрелся Сэсиль Родс, основатель будущей Родезии... Скромно и трезво экипаж «Наездника» встретил здесь пасху – пудингами вместо куличей и аляповато раскрашенными яйцами страусов; веселья не было! Потом, законопатив разошедшиеся в тропиках палубы и обтянув такелаж, ослабленный в штормах, клипер стремглав вырвался в Индийский океан; на южных широтах Антарктида дохнула такими метелями, что каждому невольно вспомнилась русская зима-зимушка. И было даже странно, повернув к северу, ощущать нарастающее тепло.

А скоро матросы стали шляться по палубам босиком, как в родимой деревне. Из распахнутых люков кают-компании доносилось бречание рояля, Ленечка Эйлер музицировал, а юные офицеры горестно ему подпевали:

В переулке за дачною станцией,
Когда пели вокруг соловьи,
Гимназисточка в белых акациях
Мне призналась в безумной любви.

О, неверная! Где же вы, где же вы?
И какой карнавал вас кружит?
Вспоминаю вас в платье бежевом.
Вспоминаю, а сердце дрожит...

Эйлер с громким стуком захлопнул крышку рояля:

– Самое печальное, что у меня ведь так и было: тишайший дачный полустанок за Лугою, белая акация и... Однако легко же нам прокладывать курсы на картах и как трудно понимать сердцем, что все былое осталось далеко от тебя.

Атрыганьев с затаенной усмешкою раскуривал сигару:

– Вовочка, теперь мы ждем признания от тебя.

Коковцев стыдился говорить о своих чувствах. Он сказал, что отец его Оленьки служит по министерству финансов. Уже статский советник. А вход со швейцаром в богатой ливрее.

– Что еще? – задумался он. – Кажется, триста десятин на Полтавщине. Она очень хороша, господа... даже очень!

– Догадываюсь и сам, – захохотал Атрыганьев. – Где же ей быть очень плохой, если она с ног до головы обляпана жирным полтавским черноземом и украшена ливреей швейцара.

– Простите, но это *гафф*! – обиделся Коковцев.

К «гаффам» флот причислял все неуместные острооты, плоские шутки или бестактные неловкости. Атрыганьев сказал:

– С тех пор как нам в последний раз мигнул маяк Кадикса, «дядька Степан» в Нагасаки ожидает нас с нетерпением, а в Питере стали понемножку забывать. Но я так и не понял, была ли у тебя акация с полустанком, как у Ленечки Эйлера?

– Акация уже отцвела, но зато распускался жасмин.

– Вовочка, тебе повезло, – ответил Атрыганьев и крикнул в буфет, чтобы «чистяки» подали ему чаю...

Было переходное для флота время, когда машина усиленно побеждала парус, но машину считали лишь ненадежным помощником паруса. Корабельные офицеры жили замкнутой кор-

порацией, отгородясь от непосвященных в их тайны множеством старомодных традиций; между флотом и берегом был выстроен барьер мало кому понятной морской терминологии, которую офицеры усложнили еще и бытовым жаргоном. «Кронштадт» у них – жиденький чаек с сахаром, «адвокат» – чай крепкий с лимоном, «чистяки» – вестовые, «чернослив» – уголь, Петербургское Адмиралтейство – «шпиц», земля с океанами – просто «шарик», «хомяк» – офицер, избегающий женщин. Наконец, адмирал Лесовский был просто «дядькой Степаном».

Разобраться трудно, но при желании всегда можно...

Шли Зондским проливом, оставив по траверзу вулкан Кракатау (сорок тысяч жителей голландской Батавии, привычные к его содроганиям, еще не ведали, что им осталось жить всего два года). «Всадник» и «Джигит» прошли на Дальний Восток раньше «Наездника», но в Маниле стало известно, что недавно брал воду клипер «Разбойник» под командой Карла Деливрона, и это возбудило в экипаже спортивную ревность:

– Хорошо бы нам догнать разбойников и перегнать!

Чайковский остудил горячие головы юных мичманов.

– Ничего не получится, – сказал он. – Шарло Деливрон подобрал отчаянный экипаж. Даже в сильный ветер не убирают верхних брамселей, катят с большим креном, черпая воду бортами. Что вы, господа? Разве за Шарло кто угонится?..

На Филиппинах повстречали и земляков. Серая толпа крестьян, парившихся в нагольных тулупах и валенках, бабы в суровых платках тянулись на кладбище Манилы – хоронить умерших на чужбине. Коковцев окликнул похоронную процессию:

– Земляки! Вы бы хоть валенки скинули...

Это были переселенцы из оскудевшей России, которых ожидала Россия дальневосточная. В дебрях амуро-уссурийской тайги народ брался поднять целину, бросить в нее сытное зерно.

– Да нам чиновники сказывали, бытто далече от Рассеи холода ишо пуще! Вот и тащим на себе от самой Одесты...

Коковцев был так ошеломлен этой встречей, что безо всякой церемонности позволил мужикам лобызать себя; крестьянки, радуясь русскому человеку, целовали мичмана тоже.

– Родненький ты наш, – причитали они. – Скажи, долго ль плыть ишо? Измаялись в экой духотище. Сколь уж стариков да деточек по заграницам на погостах оставили. Погниют кресты на могилках наших – никто и не поправит небось...

Юность щедра: она транжирит время и расстояния, она не жалеет денег, и мичман Коковцев, раскрыв бумажник, одарил земляков деньгами, велел закупить фруктов для детворы.

– А отсюда до России, – объяснил он, – совсем уж близко: Гонконг, Формоза, Шанхай, Нагасаки и... вы дома! Потерпите. Нет ли среди вас псковских кого? Сам-то я Порховского уезда, маменька у меня там в именице... скучает, бедная!

«Наездник» снова распустил паруса. Чего только не передумается юноше в океане с ноль нуля до ноль четырех. «Ах, маменька, маменька, отчего вы такая глупенькая?» Вспомнилось, как недавно навестил родительницу в ее захудалом порховском затишье. Счастливая, она возила Вовочку по сородичам и соседям – обязательно при шпаге, при треуголке и аксельбанте гардемарина. Напрасно он доказывал, что в будние дни к мундиру полагается кортик, маменька распалилась: «Уважь мою гордость – не ножиком, а саблей!» И весь отпуск Коковцев стыдливо ежился под обжидавельными взорами уездных барышень, с тоскою озиравших морское чудо-юдо... Накануне отплытия в Японию Коковцев сдал экзамен на чин мичмана, а невесту отыскал, как это ни странно, в лягушатнике Парголовского парка. Хорошенькая девушка, спасая на глубине щенка-спаниеля, сама начала тонуть, но бравый мичман вытянул на берег обоих – девицу за прическу, а щенка за ухо. После этого купания, заранее влюбленный, Коковцев появился в богатом доме на Кронверкском проспекте, где события развивались строго по плану: спаниель при виде своего спасителя от счастья напустил в прихожей большую лужу, а Оленька дала на прощание поцеловать руку и обещала ждать – хоть всю жизнь... Эта волшеб-

ная сказка вдруг покрылась мутной водой, и мичман, абсолютно голый, но при сабле и эпо-летях, оказался на шканцах незнакомого корабля, наступив босыми ногами в центр медного круга с надписью: «Here Nelson fell» (Здесь пал Нельсон)!

– Вы спите? – пробудил его голос старшего офицера. – Между тем здесь следует опасаться клиперов из Кантона, которые носятся по морю, как настеганные, с дрыхнувшими командами, а ветер задувает им бортовые и мачтовые огни.

– Извините, Петр Иванович, – очнулся от дремы Коковцев. – Я не сплю, просто кое-что вспомнилось.

На русских кораблях обращение в чинах презиралось, офицеры величали друг друга по имени-отчеству. Порывистый ветер завернул бороду Чайковского на его плечо, он сердито указал обтянуть нижние грот-марсели и пробурчал:

– О чем вспоминать мичману, стоящему вахту?

– Да так... сущую ерунду.

– Эта ерунда, конечно, не удержалась: дала вам клятву?

– Да, Петр Иванович, я тоже не удержался... дал!

Крепко обругав извержения копоты из трубы, изгадившей белизну парусной романтики флота, Чайковский сказал:

– Кажется, что Синоп стал лебединою песней парусов. Пассаты с муссонами еще шумят над нами, но погибать будем в шуме машин, освещенные ярким электрическим сиянием...

Он отправился в каюту – досыпать. В четыре часа ночи на мостик поднялся Атрыганьев, но Коковцев, сдав ему вахту, не спешил прильнуть к подушке. Минный офицер рассуждал:

– Хотелось бы жениться на англичанке из колоний, дабы иметь возможность высказывать ей в лицо все, что я думаю о викторианской породе. Иногда полезно разложить карту мира: все каналы и проливы, выступы суши и бухты с отличным грунтом украшены британскими фла-гами. А мы, несчастные, плаваем от Кронштадта до Камчатки, не имея даже угольных стан-ций. И лишь в самом конце пути, когда до родины остается рукой подать, Япония открывает перед нами свои уютные гавани, не жалея для нас пресной воды, удобства доков, хорошего угля, сладкой хурмы и улыбок обаятельных женщин... Мне скучно в Европе, Вовочка, я давно стал неисправимым поклонником Востока!

Звездное небо быстро пролетало над гудящими от напряжения мачтами: «Наездник» лихо поглощал пространство. Загадочная страна таилась за горизонтом, и слабые контуры неведомой жизни, как бы вырастающей из глубоких недр пробуждавшейся Азии, казалось, уже заколебались над многовековой бездной...

Высокий маяк Нагасаки, окруженный лесом утонченных линий, послал в океан корот-кий, тревожащий душу проблеск.

Япония вступала в тринадцатый год «эпохи Мэйдзи». Она уже восприняла от Европы железные дороги и оспопрививание, организацию почты и фотографирование преступников в фас и профиль, она одела военных в европейские мундиры.

...

Нагасаки таился в глубине живописной бухты, заставленной кораблями. Над городом нависала гора, заросшая камфорными дубами и старыми камелиями, в их зелени виднелся храм Осува, во дворе которого японцы хранили бронзового коня Будды...

«Разбойник» был уже здесь. Деливрон окликнул:

– Наездники! Сколько шли от Кронштадта?

– Двести сорок три дня, – отвечали с клипера.

– Без аварий?

– Как по маслу...

– Так вот она, эта непостижимая Япония: розовые кущи миндаля и белый цвет мандариновых рощиц.

– Чем пахнет? – спросил Чайковский.

– Керосином, – сразу принялся Эйлер.

– Да! Вон разгружается пароход из Одессы, привезший японцам бочки от нашего Нобеля... Салют нации – огонь!

Носовые пушки клипера провозгласили громкую здравицу японскому народу. Комендоры выбили из стволов звонкие стаканы, зарядили орудия снова – адмирал Лесовский, этот буйный «Дядька Степан», уже выжидал с «Европы» своей порции уважения, как заядлый пьяница ждет в гостях рюмочку водки.

– Флагу адмирала... салют! – Затем Чайковский спокойно снял перчатки. – Поздравляю, господа: мы в Японии... Эй, на баке: стопора наложить. Эй, в плутонгах: от пушек отойти!.. Бог уж с ним, с этим вонючим керосином, – заключил он. – Но вы, молодежь, все-таки дышите глубже. Япония имеет особый аромат, и, кстати, волосы японских женщин таят в себе невыразимое благоухание этой удивительной страны...

...Четверть тысячелетия Японией управлял клан могучих сегунов из самурайского рода Токугава, а сам микадо, потомок солнечной богини Аматерасу, наслаждался бессильным величием в вычурных садах Киото. Самоизоляция страны напоминала одиночное пожизненное заключение: одно поколение сменяло другое, а сегунат не допускал общения с иностранцами. Японцам же, побывавшим в чужих краях, грозила смертная казнь по возвращении на родину. Островитяне были уверены, что все европейцы – варвары. Но морские бури не раз выносили японских рыбаков на чужие берега. Россия японцев крестила, они полностью растворялись в нашей бедовой, разгульной жизни. Какова же была растерянность в сегунате XVIII века, когда стало известно, что в Сибири существует школа, в которой сами же японцы преподают русским свой язык...

А сейчас с рейда «Наезднику» салютовали корабли многих стран, и лейтенант Атрыганьев обратил внимание мичманов на забавное космополитическое соседство вымпелов – как результат политики открытых дверей:

– В газетах пишут, что капитализм нуждается в новых рынках сбыта. Как это понять – не знаю. Наверное, когда товар сильно подмочен и покрылся плесенью, королева Виктория дремлет, уже вполглаза, обеспокоенная – кому бы продать свое барахло подороже? А тут открылась веселая лавочка в Японии...

Открывшись перед миром, японцы поначалу давали очень мало – зонтики и гравюры, веревки и циновки, изящные веера и легенды о преданных гейшах, умеющих любить с изощренной тонкостью. Но зато брали японцы у своих нахальных «открывателей» чересчур много – секреты закалки бессемеровской стали и котлы системы Бельвилля, локомотивы фирмы Борзига и оптические линзы Цейса. С каждым годом Япония смелее вторгалась в международную жизнь, алчно перенимая все подряд, что попадалось на глаза, будь то пушечные затворы, изобретенные на заводах Армстронга, или исполнение капельмейстером Эккертом «Марша Бисмарка» на духовых инструментах. Казалось, островитяне действовали по принципу заядлых барахольщиков: вали все в одну кучу, потом разберемся...

С высоты марсов, закрепив паруса, матросы уже сбегали по вантам на палубу, как ловкие акробаты сыплются на манеж из-под купола цирка. Стало тихо. Коковцев расслышал стрекотание цикад на берегу, далекую музыку. Леня Эйлер спросил его:

– Тебе не кажется, что на этом берегу нас ожидает нечто странное? Такое, что никогда больше не повторится.

– Меня пленяет эта музыка, – ответил Коковцев.

– Играют японки, – пояснил Чайковский. – Очевидно, офицеры с наших крейсеров мотают последние деньги на иносских красавиц. Вы, – сказал он Коковцеву, – не туда смотрите:

огни Иносы светят нам по левому борту. Когда-то была деревенька, а теперь стала пригородом Нагасаки....

В темнеющей зелени садов разгорались бумажные фонарики. Атрыганьев прыгнул на мостик с ходового «банкета»:

– Вы не поверите! Когда я был в Нагасаки четыре года назад, нас окружили лодки – фунэ, с которых японцы торговали дочерьми, словно дешевой редиской. Теперь по указу микадо девиц разрешено продавать только на фабрики. Временное житейское счастье обретается в Японии по контракту. Этот обычай здесь никого не смущает, и вы, хомяки, не смущайтесь...

Офицеры покинули мостик, а Коковцев еще долго впитывал в себя запахи чужой, незнакомой земли. Большая, противная крыса, волоча по палубе облысевший от старости хвост, протасила в люк сухарь, украденный у зазевавшегося матроса.

Мичман нехотя спустился в кают-компанию. На столе валялись огрызки ананасов, початые коробки манильских сигар. Между абажурами, раскачивая их, прыгали резвые обезьяны.

– О чем разговор, господа?

– Обсуждаем, какой завтра будет нагоняй от адмирала...

«Наездник» провинился, и даже очень. По-флотскому положению, входя на рейд, клипер обязан «обрезать» корму флагмана, впритирку пройдя под его балконом, чтобы этим рискованным маневром засвидетельствовать особое почтение. Чем ближе пройдет, тем больше чести оказано адмиралу!

– Ладно, – поднялся Чайковский с дивана. – Утро вечера мудренее. Как-нибудь отбоимся. Пошли спать, господа. Клипер устал. Я устал. Мачты устали. Все мы устали...

Россия не открывала японских «дверей» пушками, ее отношение с заморской соседкой складывались иначе. Петербург не навязывал Токио унижительных трактатов, русские не глумились над чуждыми им обычаями. Попав же в общество вежливых людей, они вели себя вежливо. Было примечено, что русский матрос, вчерашний крепостной, с японцами сходится гораздо легче, нежели с французами или немцами. Иностранцы, презирая «желтых», издевались над японскими нравами, не признавая законов этой страны. Американец или англичанин обычно садились в вагон железной дороги без билета, требуя при этом особого к себе почтения. Русские такого хамства никогда не допускали, и наблюдательные японцы всегда выделяли россиян среди прочих иностранцев... Раненько утром клипер окружили фунэ с торговцами безделушками, владельцами гостиниц и хозяйками ресторанов, но Чайковский, весело здороваясь со знакомыми японцами, просил их подгрести к «Наезднику» чуть попозже:

– У нас играют большой сбор – ждем своего адмирала...

Экипаж выстроился на шканцах, горнисты исполнили сигнал «захождения», когда с вельбота на клипер поднялся эскадренный флагман – «дядька Степан», издавший первое рычание:

– Вы почему вчера не обрезали мне корму?

Ему объяснили: флагманская «Европа» зажалась между крейсерами «Азия» и «Африка», и кого-либо из трех они могли бы при маневре задеть шпироном или бушпритом.

– А нам не хотелось позорить себя перед англичанами!

– Верно, – одобрил их Лесовский...

Передовые идеи Чернышевского и Ушинского, пропагандируемые «Морским сборником», оказали влияние даже на этот грозный реликт былой розго-палочной эпохи, и «дядька Степан» уже не калечит матросов, допуская отныне лишь ловкие удары по носу пуговицей обшлага своего мундира. Оцарапав таким образом несколько носов в экипаже «Наездника», старец разматерил плохо обтянутые штаги и спустился в кают-компанию.

– Надо полагать, – сообщил он, – наши войска, чтобы не раздражать пекинских оболтусов, оставят Илийскую долину, а уйгуры просятся в наше подданство, ибо маньчжуры вырезают под Кульджей все живое, вплоть до кошек. Боевая готовность эскадры остается в силе: кризис

не миновал, и надо ожидать от Лондона новых каверз. Стационароваться будете в Нагасаки, а во Владивосток я посылаю клипер «Джигит»...

После адмирала кают-компанию заполнили японцы и японки, громко шелестя шелками своих одежд, они разложили свои товары, при виде которых глаза разбегались, и все хотелось купить немедленно: костяные веера, расписные ширмочки, пепельницы с плачущими лягушками.

Атрыганьев брезгливо говорил:

– Все это *дрова!* Прошу не тратить деньги на пустяки, паче того, в Иокогаме вещи большей подлинности стоят намного дешевле. А фарфор без меня вообще не покупайте...

Первое впечатление от Нагасаки таково, будто все японцы давно ждали мичмана Коковцева, наконец-то он прибыл, и теперь толпа, расточавшая улыбки, безмерно счастлива его видеть. Японцы, казалось, несли в себе заряд легкой бодрости, женщины двигались быстрыми шажками, в руках мужчин энергично взлетали сложенные зонтики, дети не отставали от взрослых. Второе впечатление от города – чистота и аккуратность, ровные мостовые, обилие цветов на клумбах и овощей на прилавках, всюду дымили жаровни, возле которых наспех закусывали прохожие. Третье впечатление – множество русских вывесок, рикши подвозили офицеров к ресторанам «Петербург» и «Владивосток», а для матросов круглосуточно работал дешевый «Кронштадт», в дверях которого дежурил опытный зазывала:

– Русика матросика, давай выпей вбдичка, закусай едишка...

Было странно, что в уличной сумятице японцы умудрялись двигаться, никого не толкая, все улыбочиво-вежливые, а если где и слышался грубый окрик, то он принадлежал обязательно европейцу или американцу.

Включившись в ритм движения японской толпы, Коковцев жадно поглощал в себя яркие краски незнакомой жизни, а молодой желудок, уставший от «консервятины», уже потребовал сытного обеда. Но мичман побаивался первой встречи с японской кулинарией, потому и навестил ресторан «Россия», где, соответственно названию, все было на русский лад, а хозяин в жилетке сразу же подошел к Коковцеву:

– Осмелюсь услужить вашему высокородию?..

Назвался он Гордеем Ивановичем Пахомовым; со знанием дела расспросил, долго ли пришлось штилевать, не погиб ли кто в море, как здоровье минера Атрыганьева. В карточке меню блюда и вина были расписаны в семи колонках на семи языках (вплоть до испанского), а в первом ряду, подле японских иероглифов, заманчиво перечислялись аппетитные кулебяки с визигой, солянка с грибами, щи кислые со сметаной.

– У нас товар самый свежий, получаем из Одессы с пароходов... Газетку английскую не угодно ли посмотреть? Тоже свеженькая – из Гонконга. Панихиду изволили служить в Петербурге по сочинителю Достоевскому. – Справившись о фамилии мичмана, Пахомов был крайне удивлен. – Вот те на! А капитан второго ранга Павел Семенович Коковцев кем вам доводится?

– Мой дядя. Недавно скончался в Ревеле.

– Добрый человек был, царствие ему небесное.

– Вы разве знали моего дядю Пашу?

– С него-то все и началось... Агашка! – кликнул Пахомов; явилась дородная бабища, завернутая в пестрое кимоно, но голова ее была по-русски повязана платком. – Агашка, ты в ноги кланяйся: вот племяшек благодетеля нашего... – Затем он скромненько присел подле юного офицера. – А ведь я из порховских, как и вы, сударь! Урожден был в крепостных вашего дядюшки. Состоял при нем камердинером. Когда поплыл он в Японию, и меня прихватил ради услужения. На ту пору как раз выпала реформа для нас. Для невольных, значица. Это в шестьдесят первом годочке от Рождества Христова... Помните?

– Да где же! Мне тогда три года исполнилось.

– Ну вот! А мы в Хакодате плавали, там и присмотрел я кухарку у консула нашего... Агашку! Ее самую. – Пахомов указал на обширное чрево супруги. – Пришел к Павлу Семенычу и – в ноги ему: невеста, мол, на примете имеется, держать меня в прежнем положении не можете, так и отпускайте.

– А что дядя? – спросил Коковцев.

– Дурак ты, говорит, пропадешь здесь, и никто не узнает.

А я, как видите, не пропал. Любой скобарь мне позавидует!

Владимир Коковцев вынул тяжелые (и неудобные для кошелька) мексиканские доллары, которыми платили жалованье офицерам в эскадре адмирала Лесовского. Сложил их горюшкой, как олады на тарелке. Гордей Иванович искренно оскорбился:

– Э, нет! С вас, сударь, не возьму... Павел Семеныч, вечная ему память, в разлуку вечную двести рублей мне преподнес. На, сказал, дуралей, на первое обзаведение.

С его денежек и рестораном обзавелся. Не обижайте...

Он вышел проводить мичмана на улицу. Коковцев тихо спросил его о гейшах – хотелось бы посмотреть их танцы.

– На што оне? – фыркнул Пахомов. – Гейши вам никак не понравятся. Скучно с ними, да и кормежка плохая. С ихнего-то чаю без сахара не набесишься. Вижу, вас иное тревожит. Девки для того есть, называются – мусумэ, и по-русски кумекают. Вам и надо такую, чтобы разговоры вести по-нашему...

Ночевать Коковцев вернулся на клипер.

– Ног не чую под собой, так набегался.

Чайковский раскладывал пасьянс:

– Набегались? На что же тогда существуют рикши?

– Стыдно мне, человеку, ездить на человеке.

– А этот несчастный рикша благодаря вашей щепетильности сегодня, может быть, остался без ужина.

– Об этом я как-то не думал, – сознался Коковцев.

– А вы подумайте... Между прочим, внешним видом японцев не обольщайтесь. Здесь вы не встретите людей в нищенских отрепьях, как это бывает в России, но Япония – классическая страна бедняков! Кстати, вы еще не побывали в Иносе? Так побывайте... Там есть такая Оя-сан, дама очень ловкая, и вам ее конторы не избежать. Оя-сан содержит в Иносе резерв японских девиц. Ей наверняка уже известны списки молодых офицеров клипера, дабы обеспечить своих «мусумушек» верным заработком.

Коковцев пылко протестовал, говоря, что не может любить по контракту. Чайковский в ответ хмыкнул:

– А вы, чудак такой, сначала подпишите контракт, потом можете и не любить. Кто вас просит об этом? Никто... Но будьте уж так любезны обеспечить бедную девушку верным доходом. А иначе – с чего ей жить? вспомните того же рикшу, от услуг которого вы необдуманно отказались...

Кают-компания была заставлена магнолиями, камелиями и розами – их прислали на клипер добрые женщины Иносы.

С берега вернулся и мичман Эйлер:

– Здесь столько соблазнов, а среди японок множество красивых женщин. Но все они такие маленькие – как куклы!

Коковцев по-юношески стеснялся думать о женщинах откровенно. Чайковский, кажется, умышленно оберегал его всю дорогу до самой Японии, чтобы здесь, на виду Иносы, сдать прямо на руки маститой Оя-сан... Далее не его забота.

...

Устремляясь в будущее, Япония поспешно осваивала достижения Европы, но при этом японцы никогда и ничем не поступились в своих традициях. Иноса же вообще осталась частью былой эпохи, а соседство великолепных доков, в которых чеканщики клепали обшивку крейсеров, лишь усиливало поразительный контраст между двумя Япониями – старой (Эдо) и новой (Мэйдзи)... Набережные купались в кушах глициний; между доков и мастерских фирмы «Мицубиси» виднелось здание русского военного госпиталя. Англичане в своих лодках предупреждали, что Иноса вроде русского сэттльмента, куда им, англичанам, лучше не заглядывать: они встретят тут холодный прием... После грозного тайфуна 1858 года, который разломал русский фрегат «Аскольд», шестьсот человек экипажа, выброшенные на берег близ Нагасаки, нашли радушный прием при кумирне Госиндзи, и жители деревни Иносы стали лучшими друзьями моряков.

В этом-то и сокрыт загадочный парадокс: сёгунат Токугава затворял «двери» Японии, а простые люди Японии сами открывали свои сердца. Жители Иносы поразительно скоро освоили русскую речь¹, приноровились к русской кухне, переняли наши обычаи, а матросы усвоили что-то от японских привычек. Началась сердечная трогательная дружба, очень далекая от политики. С той поры осталось в Иносе кладбище моряков, с годами оно разрасталось все шире, японцы рачительно ухаживали за русскими могилами, как будто в них покоились их близкие родичи. Может быть, на улицах других городов улыбки на лицах японцев и были искусственными, явно фальшивыми, но в Иносе каждого русского человека жители довольствовались самой искренней улыбкой...

Эйлер ожидал у трапа дежурный вельбот. В статском костюме и при котелке, пухленький розовощекий мичман выглядел иначе, становясь похожим на преуспевающего в жизни биржевого маклера. Он забавно покрутил в руке камышовую тросточку:

– Вова! Я все-таки навещу эту злодейку Оя-сан. Пятнадцать мексиканских долларов в месяц – не деньги, все равно расшвыряются, а тут... такая свобода нравов!

Старший офицер клипера подошел к Коковцеву:

– Вы чем-то озабочены, Владимир Васильевич?

«Наездник» только вчера получил почту из России.

– Маменька жалуется. Осталось восемь десятинок земли – курям на смех! – сказал мичман. – А вокруг осели деловые мужики, у которых даже огороды шире. Пишет маменька, что еще год-два, и растащут наше гнездо, а портреты моих предков подложат под ведерные самовары. Связей в обществе у меня никаких, в лучшем случае годам к сорока вытяну до кавторанга... Ну, вытяну! А что дальше?

– Дальше... Я бы на вашем месте вспомнил старика Державина: «Жизнь есть любви небесный дар! Устрой ее себе к покою и вместе с чистою душою благослови судеб удар». Поняли?..

Коковцев понял. Близость Иносы, зажигающей по вечерам разноцветные фонари, дразнила и соблазняла, как присутствие незнакомой женщины за стенкой, теплокровной и не твоей, но она живет рядом с тобою, она движется, поет и дышит, смеется и танцует. Кому в такие мгновения не кажется, что эта женщина ожидает тебя, нарочно тебя волнуя?.. В один из дней Коковцев сбегал на днище вельбота, сам взялся за румпель.

– Навались, ребята! – скомандовал. – В Иносу...

...

¹ Среди них был и тринадцатилетний мальчик Тикатомо Сига (или, иначе, Синхо; 1845–1914), освоивший русскую речь в общении с командой фрегата «Аскольд»; впоследствии известный в Японии писатель, дипломат и переводчик с русского языка, большой друг России, дважды посещавший ее.

В ухоженной роще росли сосны и пальмы, шевелился бамбук и зрели бананы. В этой благодати расположились домики, их передние стенки были раздвинуты – душно. В растворенных на улицу комнатах, облаченные в халаты, посиживали на циновках босоногие офицеры русской эскадры, лениво обмахиваясь веерами. Возле них хлопотали японские «мусумушки», и пусть жены были временными, как временна и стоянка в Нагасаки, но иллюзия подлинной семейственности не покидала этих забавных жилищ, распахнутых настезь для всеобщего обозрения...

– Вовочка! Уж не ищешь ли ты дом со швейцаром в ливрее?

Это окликнул мичмана лейтенант Атрыганьев; его миниатюрная Мицу-Мицу встретила Коковцева чаркой водки завода г-жи Поповой, придвинула гостью тарелочку с ломтиками сырой кеты и, отступив, опустила на колени в углу комнаты.

– Садись, – сказал Атрыганьев.

– Куда?

– На пол! Оя-сан на тебя обижена... слышал?

– На меня? За что? – обомлел Коковцев.

– Невежливо с твоей стороны не визитировать эту даму, если даже «дядька Степан» целует ей ручки.

Мичман ответил, что в счастье по контракту не верит.

– Ты у нас умница! – похвалил его Атрыганьев. – Но я тебя умнее. Скажи, разве венчание в церкви не есть ли то же подписание контракта, только не временного? Не все ли тебе равно, где соваться в петлю – в конторе Оя-сан или у нашего попа в церкви? В любом случае жених с невестой вступают в сделку! Только здесь, в Нагасаки, ты отдашь пятнадцать долларов – и все. А там, в России, платить будешь всю жизнь...

Атрыганьев переговорил с Мицу-Мицу по-японски, и она вынесла бутылку абрикотина московских заводов Н. Л. Шустова.

– Как поют наши матросы, «со смехом, братцы, я родился, наверно, с хохотом помру...». Давай выпьем за любовь! Оя-сан приберегает для тебя, хомяка, одинокую мусумэ из Нагойи.

– Нагойя... что это значит? – не понял мичман.

– Только то, что самые красивые японки родом из Нагойи. Чувствую, – добавил Атрыганьев, – что застрянем в Нагасаки надолго, так не будь каютным хомяком – срочно женись!

– А зачем мне это нужно? – отвечал Коковцев.

– Послушай, – заговорил минер далее. – Я ведь плавал достаточно. Видел и фрески в спальнях Помпеи, бывал даже в банях Каракаллы, но, поверь, там нет ничего такого, что было бы неизвестно японкам, владеющим секретом тридцати четырех способов любви. – Нежинским огурчиком, продетым на вилку, Атрыганьев указал на сидевшую в углу Мицу-Мицу. – Ты глянь на эту скромнейшую японскую богиню... Какова?

Коковцев глянул (японка улыбнулась ему).

– Так вот, – заключил Атрыганьев, с хрустом поедая огурчик, – все эти гордые и пресыщенные патрицианки Древнего Рима перед моей Мицу-Мицу выглядят жалкими недоучками. А ты еще осмеливаешься пренебрегать женщиной из Нагойи!

Коковцев безо всякого аппетита дожевал кету:

– Но в Петербурге я же поклялся Оленьке...

– Все поклялись, – сказав Атрыганьев, морщась. – Но каждой невесте, даже обляпанной полтавским черноземом, известен в любви только один способ, а тут... Стоит ли долго раздумывать? Кстати, эта Оленька живет на... На какой улице?

– На Кронверкском, – ответил мичман.

Атрыганьев, хохоча, покатился по циновкам.

– Извини. Но я бывал там. Каюсь... Этот статский, что мечтает о чине тайного, считал меня женихом своей дочери.

– Не может быть! – оторопел Коковцев.

– Пожалуйста, не переживай. Все женщины таковы...

Г-жа Попова и г-н Шустов, эти знаменитые спирто-водочные фирмы, разом ополчились на невинность мичмана.

– Если так, я... Я сейчас же иду к Оя-сан!

Атрыганьев горячо одобрил его решение:

– Кстати, мне в ноль четыре принимать вахту у тебя. Будь другом, выручи: если я малость задержусь, ты склянки две-три отбуди за меня на мостике.

– Конечно, – согласился Коковцев.

– Вот и спасибо. Потом, в море, расквитаемся! Ступай!

...

Все было похоже на скромную гостиницу: пустоватая простота в комнатах, лакированные полы были покрыты мягкими татами из камыша. Коковцев уселся перед низеньким столиком и долго не знал, куда девать ноги, затекающие от неудобства позы. Его окружили восемь юных японок, напоминавших едва окрепших девочек-подростков. Чрезвычайное обилие косметики скрадывало их подлинные черты. Это были мусумэ из «резерва» конторы Оя-сан, под надзором которой они и жили. Коковцев часто благодарил, пока они расставляли перед ним крохотные чашечки с угощениями. Тут была рыба в тесте, приправленная соей, водоросли-тамоширага, мхи и корни, огурчики-киури, крылышко утки, чуть присыпанное анисом, желе из овощей с яйцами и непроницаемый черный соус с подогретым сакэ. Угощая гостя, мусумэ наперебой щебетали, успев наговорить Коковцеву всяческих комплиментов – ах, какой красивый, ах, какой умный, ах, как хорошо, что навестил их сегодня, а то ведь они уже собирались сами искать с ним встречи. При этом девушки подливали ему сакэ, и теплая рисовая водка приводила мичмана в содрогание от небывалого вкусового отвращения. После чего, усевшись рядом напротив, девушки сыграли для Коковцева что-то очень печальное на своих сямисенах, похожих на мандолины, и тихонько удалились. Пустота. Никого...

Но тут бодро вошла миловидная японка лет сорока – сама Оя-сан; кимоно женщины украшала брошь с бриллиантом из алмазного фонда царствующей династии Романовых. Семь лет назад великий князь Алексей (сын царя Александра II) плывал до Владивостока на фрегате «Светлана»; навестив Нагасаки, он задержался в объятиях Оя-сан, с чего и началась карьера этой мусумэ, богатеющей теперь на эксплуатации себе подобных. Дама держалась по-европейски свободно, широким жестом, перенятым ею от русских офицеров, она чокнулась с Коковцевым чашечкой сакэ, и бедного мичмана снова как следует передернуло. Потом женщина деловито спросила – какая из всех мусумэ понравилась ему больше.

– Они все хороши, – ответил мичман, – но я слышал, что у вас имеется девушка из Нагойи.

Оя-сан со вкусом выговаривала русские слова:

– Если ты задумался об Окини-сан, голубчик, она полюбит тебя... вместе с домом! Но задаток немалый – двести долларов, голубчик. – О том, сколько из этой суммы она заберет для себя, об этом Оя-сан, конечно же, умолчала.

В планы мичмана никак не входило становиться домовладельцем в Японии, но русская водка, разбавленная японским сакэ, и горькая обида на Ольгу сделали его смельчаком. Он готов хоть сейчас платить за все в мексиканской валюте.

– Но сначала покажите мне красавицу из Нагойи!

Оя-сан легонько хлопнула в ладоши, и Коковцев услышал за спиной неприятное шипение. Он обернулся: перед ним возникло костлявое чудовище с громадными оттопыренными ушами.

– Это нотариус, – объяснила Оя-сан. – Он принес контракт на Окини, заранее составленный... Подписывайте его!

Глаза нотариуса были добрыми, но шипел он так замечательно, что ему позавидовала бы любая гадюка.

– У нас в России, – сказал Коковцев, поднимаясь с татами, – никто и никогда не покупает kota в мешке...

Оя-сан сердито крикнула что-то по-японски. С громким треском раздвинулись бамбуковые ширмы – и Окини-сан опустилась на колени, застыв в глубоком поклоне, а за нею вразнобой качались сухие бамбуковые палки: так-так, так-так, так-так.

– Гомэн кудасай, – были первые слова женщины.

Она просила у них извинения за то, что явилась.

Окини-сан кланялась очень долго, и Коковцев сначала видел только пышный бантоби, завязанный высоко на спине, потом разглядел удивительно сложную прическу, в которой волосы были унижены черепаховым гребнем и булавками из красных кораллов. Коковцев кинулся поднимать женщину с пола.

– Голубчик, – четко выговорила Окини-сан русское слово (которое в заведении Оя-сан, очевидно, заучивалось всеми мусумэ в числе самых необходимых слов).

Теперь мичман видел нежное матовое лицо с узкими блестящими глазами, а губы девушки, чтобы не казались большими, были подрисованы кармином только посередине. Окини-сан была так хороша, что раздумывать далее не приходилось:

– Давайте контракт... Подпишу!

Бамбуковые палки перестали стучать, шипение прекратилось. Нотариус из-под халата извлек чернильницу, протянул Коковцеву европейское перо, а не кисточку. Мичмана ознакомили с условиями контракта: подданная микадо, отзывающаяся на имя Окини, поступает в его жены с содержанием в 15 долларов за один месяц, а Кокоцу-сан обязуется предоставить ей помещение, стол, одежду и наемную прислугу с рикшей. Отсчитав серебро, мичман еще раз оглядел красавицу из Нагойи:

– Но почему на месяц? Мой клипер еще никуда не уходит.

Нотариус отвечал ему на хорошем английском языке:

– К чему загадывать вперед? Мы, живущие вдали от вас, европейцев, не привыкли верить ни женщинам, ни пьяницам, ни морякам: женщина склонна обманывать, пьяница ничего не помнит, а моряк рано или поздно все равно потонет. Через один месяц с удовольствием продолжу контракт.

– All right, – согласился Коковцев.

...

Обитель семейного счастья оказалась вполне прилична: через мизерный ручеек был перекинут карликовый мостик, с которого мичман чуть не упал, в миниатюрном садике имелся маленький прудик, в нем крохотные золотые рыбки виляли золотыми хвостиками. Коковцев и Окини-сан остались одни. Мичман извинился, что ему предстоит еще ночная вахта:

– А я чертовски много выпил и, прости, должен выспаться. Нет ли в этом домике чего-либо похожего на кровать?

Окини-сан придвинула к нему коротенькое бревнышко с валиком, ласково уговаривая положить на него свою голову.

– Забавно! А как зовется такая подушка?

– Макура, голубчик, это макура.

– Звучит вполне по-русски... макура... макура...

Окини-сан уселась напротив него и, скрестив под собой ноги, всецело погрузилась в отсчет времени, сокращавшего их первое свидание. За четверть часа до полуночи, отрывая от макуры наболевший затылок, Коковцев уже не мог вспомнить, как это бревно называется. Он быстро собрался на вахту.

– Конечно, – благодарил он, – если бы не ты, я бы наверняка все проспал. А завтра пришло вестового – пусть привезет подушки и одеяло. Однако где я сейчас достану фунэ, чтобы поспеть к вахте на свой клипер?

Оказывается, Окини-сан, пока он спал, уже наняла лодочника на весь месяц их контракта. Мало того, женщина проводила его до пристани и не покинула мичмана, пока фунэ не подгрела к корабельному трапу. Только сейчас она попрощалась с ним, и с палубы корабля мичман застенчиво пронаблюдал, как в темноте рейда медленно растворяется белое пятно ее одежд. Издалека донесло певучий голос молодой женщины:

– Сайанара, голубчик! До-си-да-ня...

Чайковский с «Манилой» в зубах гулял по шканцам.

– Теперь, – сказал он, – за все время стоянки в Нагасаки за вас я спокоен: еще не было случая, чтобы молодой офицер, взявший в жены японку, опоздал на вахту! Да и вам лучше, милейший: меньше будете шляться по ресторанам...

После четырех часов вахты Коковцев с нетерпением отсчитывал склянки: корабли эскадры синхронно отбили первую, вторую, третью. Атрыганьев соизволил явиться с берега на рассвете.

– Ладно, – отмахнулся он от упреков. – Уж ты прости, Вовочка: не был я на Кронверкском, никакой Оленьки и в глаза не видывал. Все выдумал нарочно, чтобы твои эполеты, чуть-чуть забрызганные морем, потеряли блеск наивной гардемаринской святости. Вахту принял. Сейчас отходит вельбот...

Вестовой помимо подушек прихватил из офицерского буфета ложки, ножи и вилки. Качнув серьгой в ухе, он сказал:

– Вашбродь, а чем шамать будете... палками? Уж я ими ковырял, ковырял – все мимо рта просыпалось. Извиняйте нас!

День обещал быть жарким. Стенка дома была заранее раздвинута, в глубине комнаты, будто вписанная в тонкую рамочку, Окини-сан показалась мичману лучезарным идиолом любви.

– Я тебя так жду... голубчик! – произнесла она.

Из широких рукавов кимоно выплеснуло две руки.

И нечаянно сложилась ласковая семейная жизнь.

...

Коковцев принадлежал к поколению, юность которого овеяли победы русского оружия под громы Шипки и в блеске молний Плевны, когда Россия несла свободу родственному народу Болгарии. Но зато юность омрачил Берлинский конгресс, унизивший достоинство России; по этой причине молодежь тех годов страдала за любое ущемление прав своего народа, национальную гордость которого сознательно оскорбляли юркий лорд Биконсфильд и плут Бисмарк... Германия еще только прилаживалась к завоеванию колоний, зато Англия имела их столько, что они в девяносто раз превышали размеры ее метрополии; во владениях королевы Виктории могли бы свободно разместиться три Российские империи. Викторианцы были ненасытны! Британские канонерки шли по следам фанатиков-миссионеров: если аборигены не внимали гласу божьему с должным трепетом, пушки Армстронга приводили их в английское поддан-

ство. Затем, приучив инакомыслящих надевать по утрам штаны и открывать бутылки с пивом, викторианцы делали вид, будто ими сотворено на благо цивилизации нечто великое. Лондон постоянно был озабочен: где только можно и любыми способами ослаблять могущество России, которая не боялась противостоять великобританской экспансии, ставшей уже глобальной... Переживаемый конфликт с Пекином тоже имел английскую подкладку: политики Уайтхолла натравливали китайцев на войну с Россией, на эскадре Лесовского уже поговаривали, что, очевидно, скоро предстоит плавание в Чифу, дабы забрать из Китая русского посланника и все посольство с его архивами.

– Бес их там разберет! – судачили в кают-компании «Наездника». – Ну, с моря-то, положим, мы на своих калибрах всех мандаринов раскатаем. А что, если они вломятся в наши пределы от Кульджи, где мы даже гарнизонов не держим?

Атрыганьев закрутил усы и расправил бакенбарды.

– Я, – начал он, – терпеть не могу английских газет и посему читаю их внимательно. «Таймс» обрадован: Пекин обзавелся «китайским Бисмарком», правда, не железным, а ватным – Ли Хунчжаном, а теперь якобы обнаружился «китайский Наполеон» по прозвищу Цзо Цзуньтань... Было бы жестоко с моей стороны требовать, господа, чтобы вы запомнили эти имена, но все-таки я осмелюсь выделить их из нашей истории...

Атрыганьев не помянул еще императрицу Цыси, которую европейцы прозвали китайской Клеопатрой. В этот момент попугай, сидя на абажуре, расправил крылья и сделал что надо, а в дверях показался сияющий мичман Эйлер.

– Чистяки! – гаркнул Атрыганьев вестовым. – Сменить скатерть... Ленечка, а что вы там принесли с берега?

Эйлер радостно показал приобретенную вазу:

– Мне ее продали как редчайший фарфор «амори».

– Вы у нас молодцом! Если родственники просили вас купить у японцев макитру пошире, чтобы варить в ней вассер-суп на все знатное семейство фон Эйлеров, так я от души вас и поздравляю. Хотя вам продали фарфор из Кагасима, а он – лишь слабое подражание сатцумскому... Итак, господа, Цзо Цзуньтань, известный любимец английской публики, уже в пути! Но, двигая армию, он ведь больше похож на муравья, толкающего перед собой полудохлого навозного жука... Я хотел бы спросить англичан: где они видели этого Наполеона? Ленечка, – мягко обратился минер к Эйлеру, – не стоит впадать в отчаяние. Поставьте свое помойное ведро на рояль, и будем считать, что у нас, слава богу, имеется и «амори»...

Согласно давней традиции флота, командир корабля не имел права посещать кают-компанию, чтобы, упаси бог, не вмешиваться в дела и разговоры подчиненных, иногда жестоко его критикующих, – здесь владычил старший офицер, а командир прозябал в одиночестве салона, всегда благодарный, если офицеры, сжалившись над ним, приглашали к своему столу. Однажды его позвали, и он строго предупредил:

– Господа, возможен такой вариант обстановки, что скоро эта уютная Иноса останется далеко за кормою... Наберитесь мужества покончить со своими делами на берегу, чтобы за нашим клипером потом никаких хвостов не тащилось. Ежели у кого неоплаченные счета в японских ресторанах, расплатитесь заранее. Есть ли у нас белье в стирке на берегу?

– Есть, и очень много, – ответил Чайковский.

– Поторопите прачек, чтобы стирали быстрее...

После таких разговоров Коковцев спешил на свидание с Окини-сан, и женщина, внешне ненавязчивая в любви, чутко откликалась на каждую его ласку. Эти незабываемые ночи Иносы, пронизанные шумами теплых ливней, казалось, пропитались словами любви, всегда ненасытной в молодости. Не было случая, чтобы японка не проводила Коковцева до корабельного трапа, а вернувшись с клипера, мичман всегда заставал ее ожидающей встречи. Иногда казалось, что Окини-сан живет исключительно ради любви к нему.

– Я не знаю, как это тебе удастся, – сказал однажды Коковцев, – но ты, сама того не замечая, сделала все-все, чтобы я уже не мог обходиться без тебя. Это правда!

Она молча взяла его руки и окунула в них свое прекрасное лицо. А когда освободила ладони, оно было мокрым от слез.

– Я люблю, голубчик, – сказала она...

В одну из летних ночей, когда мичман ночевал на клипере, его сорвала с койки резкая качка. Коковцев выбрался из каюты, под ногами кружило холодную пену открытого моря. «Наездник», постукивая машиной, нес на себе даже триселя над брамселями, отчего его мачты потрескивали от напряжения.

На мостике ходовую вахту «заступил» Атрыганьев.

– Что стряслось, Геннадий Петрович? Или... война?

Атрыганьев дернул шнур звонка в кают-компанию.

– Пока нет! Просто «дядька Степан», чтобы запутать англичан, перетасовывает эскадру, будто карты в колоде. Игра идет крупная: «Пластун» ушел к Дажелету, «Стрелок» помчался в Чифу, крейсера «Азия» и «Европа» в Июкогаму, а мы... Мы, кажется, во Владивосток, чтобы сменить там «Джигита».

На мостик в белом фартуке взбежал вестовой:

– Звонили, вашбродь? Что прикажете?

– «Адвоката» мне. Покрепче! С ромом.

– Есть! Я мигом, вашбродь...

Сочный ветер путал мокрые фалы в руках сигнальщиков. Снова начиналась походная жизнь, в которой, согласно моряцкой поговорке, вольготно живет один попом, котам и докторам (остальные расписаны по вахтам, загружены работами).

Коковцев придержал на трапе Чайковского:

– Когда же будем во Владивостоке?

– При таком-то ветре... скоро придем.

– А когда вернемся в Нагасаки?

– Отвыкайте задавать наивные вопросы...

Иноса разом и безнадежно отодвинулась за горизонт, меркнувший в отдалении, а море, казалось, без следа растворяло в себе Окини-сан, застывшую в молчаливом ожидании. Снова возникли привычные картины суровой жизни: возле мачт, где меньше качало, группами собирались матросы, озверело разгрызали сухари, обсыпанные крупной солью, а на мостиках мотало фигуры вахтенных в дождевиках и зюйдвестках. «Наездник» легко перегнал громаду транспорта «Россия», с которого просигналили, что везут из Одессы тысячу солдат для основания пограничных гарнизонов на Амуре.

В зыбком тумане, словно размыло старинную акварель, едва проступили очертания скал Дажелета, сразу похолодало, а штурман вспомнил стишки:

Вплоть до острова Цусимы
Видишь летнюю картину.
Коль попался Дажелет,
Торопись надеть жилет.

Офицеры поспешили в шкиперскую, за тужурками. Рано утром открылись берега; зеленые массивы нетронутых чащоб, острые зубцы нелюдимых сопков, а где-то страшно далеко струился к небу тончайший дымок охотничьего костра.

– *Россия!* – воскликнул Коковцев.

– Вы угадали, – отозвался Чайковский. – Правда, отсюда до нее очень далеко, но вы правы: это тоже Россия...

Убрав паруса и подрабатывая винтом, втянулись в Золотой Рог; издали панорама Владивостока даже впечатляла: красный кирпич казарм, ряды причалов, угольные склады Маковского, разноцветные хибары обывателей и козы выпасы среди огородов; возвышались здание гимназии, штаба командира порта, особняк Морского собрания и магазин фирмы Кунста и Альбертса. Все это – на фоне беспечального синего неба... Посланец Балтийского флота звончайше салютовал кораблям Сибирской флотилии.

Коковцев взял бинокль. В окулярах его возникли пустынная улица, по ней шла расфуфыренная дама под зонтиком, за нею маршировал бугай-матрос, неся под локтем корзину с бельем. С берега громко и радостно крикнул петух. Чайковский снял фуражку и, подавая пример молодежи, истово перекрестился:

– Поздравляю вас, господа: вот мы и дома...

Атрыганьев, первым побывав на берегу, ругался:

– Что за город такой! Отличный цейлонский ананас – две копейки. Соленый огурец – гривенник. Дохлая индейка стоит пятнадцать рублей, а сотню жирных таежных фазанов умоляют взять даром... Кто в таких ценах что-либо понимает?

После чистеньких японских улиц здесь даже главная (Светланская) выглядела проселочной дорогой, покрытой кочками, ухабами и лужами. С трудным бытом Владивостока мичман Коковцев соприкоснулся сразу же, когда командир послал его раздобыть пресной воды для клипера. Следовало набрать четыре полных баркаса (для доставки воды шлюпку заранее как следует обмыли изнутри с песком и с мылом). А где взять? Прохожие обыватели советовали просить воду у знакомых.

– Но мои знакомые остались в Петербурге.

– Поспрашивайте тех, у кого колодцы имеются.

А владельцы колодцев руками на мичмана махали:

– Знаем, как кораблям воду давать! Опустят в колодец трубу и выкачают насосом до дна, вместе с лягушками.

А мы как? Совсем без воды сидеть? У нас же дети малые. Пеленки стирать надо? Надо. А чайку попить? Или к соседям бегать?..

На берегу копошились гарнизонные солдаты в белых рубахах, возводя бруствер для установки пушек. Коковцев спросил:

– Никак, ребята, вы мандаринов ждете?

– Плевать мы на них хотели, – отвечали солдаты. – У нас на базаре своих мандаринов не знаем куда девать. Но сказывали, будто англичанка-стерва на энти края позарилась. Вот и стараемся: пусть тока сунется, все бельма повышибаем!

Командир встретил мичмана вопросом: где вода? Коковцев пытался объяснить положение в городе, но получил ответ:

– Меня это не касается. Вода должна быть...

Принарядившись, офицеры клипера беззаботной гурьбой отправились во владивостокское Морское собрание. На Светланской им встретились черные дроги: горожане хоронили инженера-самоубийцу. Провожавшие покойника объясняли:

– Здесь это бывает частенько! Не все выдерживают. Что вы хотите? Иногда ведь газеты четыре месяца не приходят...

В гардеробе, стоя перед зеркалом и уточняя на белобрысой голове прямому идеального пробора, Эйлер сказал:

– Ты, Вовочка, не внимай Атрыганьеву с особым респектом. Атрыганьев мало того что барин – он еще и циник.

После него стал причесываться Коковцев:

– Отчасти – да, я согласен, Леня. Но минер похож на рыцаря старинного и могучего ордена, вроде Мальтийского.

– *Каста!* – ответил Эйлер (проницательный). – Атрыганьев не понимает, как близка гибель его и ему подобных.

– Так ли это, Леня, а?

– Ты просто не слышал минера достаточно пьяным.

А в пьяном состоянии он произносит страшные тосты...

По широкой лестнице поднялись в общий зал. Атрыганьев сразу обосновался в буфете. По стульям сидели дамы и невесты, быстро оценивая входящих офицеров с «Наездника». Коковцев краем уха слышал, как одна девица шепнула подруге:

– Мичман! Всего-то пятьдесят семь рублей в месяц.

А еще надбавка за суровость климата и дальность плавания.

Это задело Коковцева, и через плечо он ответил:

– Шли бы вы домой... задачки решать по алгебре!

В собрании мичман повстречал немало однокашников по Морскому корпусу, почти все они были с молоденькими женами.

– Что ты удивляешься? – говорили они. – Здесь нам разрешено вступать в брак, даже не справляясь о нашем реверсе².

Их жены выглядели счастливыми, одеты они были по последней парижской моде, и мало кто из офицеров раскаивался, что променял Балтику или Севастополь на эти дикие, но величавые края с грандиозным будущим.

– Дальний Восток, – посмеивались они, – это ведь фикция, придуманная еще дельцами Ост-Индской компании. Нам отсюда Дальним Востоком кажется уже Сан-Франциско или Патагония, а Ближний Восток становится для нас Дальним Западом. Здесь полная свобода слова, зато нет свободы печати из-за отсутствия самой печати... Кстати, можешь всех нас поздравить.

– С чем, друзья?

– Скоро на улицах Владивостока загорятся полтораста керосиновых фонарей, и, поверь, Вовочка, мы радуемся этому, как парижане недавно радовались электрическим «свечам» Яблочкова на Елисейских полях. Всякая жизнь познается в сравнении... Ну, расскажи, какова погода в Нагасаки?

Сибирская флотилия ремонтироваться ходила в Японию, сибиряки все там знали, все видели своими глазами, но отношение к этой стране у них было несколько иное, более жесткое, нежели у стационарирующихся в Нагасаки.

– У нас немало японцев, – говорили они. – Мы охотно пользуемся их услугами. А японки изумительные няни. Но... нам отсюда виднее! Совсем недавно японцам отданы Курильские острова, чтобы отвести их от Сахалина, на котором наши дуралеи устроили каторгу вроде французской Кайенны. Японцы присвоили острова Рюкю, где одна только Окинава – прекрасная морская база! Наконец, они пытались забрать и Формозу, покрикивают на корейцев... Подумай сам, Вовочка: едва успев открыть свои «двери» перед Европой, самураи уже расширяют «двери» корейские, а Корея вассальна от Пекина, и отвратная Цыси, конечно, вступится за свои владения. Не случится ли так, что японцы разрушат равновесие Дальнего Востока, и без того шаткое?

Коковцев воспринимал Японию в образе Окини-сан, а раскрытые веера улыбчивых японков укрывали многие тайны.

– Не слишком ли вы подозрительны к любезным японцам?

– Только не к няням! Мы их любим, как любят все русские дети, зовущие их «тетя Този» или «тетя Саго». Но мы подозрительны к самураям. Своими претензиями они вынудят вас

² *Реверс* – возможность молодого офицера содержать жену в приличном достатке, иначе брак ему возбранялся. В дальнейшем встретится слово «реверс» в ином значении – способность корабля переключать свои машины и движение винта с переднего хода на задний и наоборот.

вступить за Корею, а это уже рядышком с нами... Владивосток – не санитарный барак, который можно перетаскивать с места на место. Его поставили здесь – и он должен стоять вечно!

Коковцева отыскал мичман Эйлер:

– Атрыганьев уже затоплен коньяком до ватерлинии и сейчас произносит в буфете тосты... Хочешь послушать?

– В другой раз, – ответил Коковцев.

Гарнизонный оркестр заиграл вальс «Невозвратное время», и мичман с нарочитой холодностью миновал девиц, трепетно ожидавших приглашения к танцу. Коковцев вызвал на вальс даму в летах, но еще красивую – жену командира порта мадам Ванду Щетинскую. Вступая с нею в круг, он спросил:

– Разве же вам никогда не бывает здесь скучно?

Женщина ответила, что здесь гораздо веселее, чем в Ковно, где она провела юность в монастыре урсулинок.

– Наверное, для полноты счастья нужен и... колодец?

Щетинская ослепила мичмана белым рядом зубов:

– Я-то, грешная, думала, вы позвали меня к вальсу ради взаимной симпатии, а вам, оказывается, нужна вода для котлов и для камбуза... Сколько вам ее надо? – спросила она.

– Четыре полных баркаса, мадам.

– До вас на рейде стоял клипер «Джигит», на котором мичмана были решительнее и водою быстро наполнились.

– Подскажите, каким же образом?

– Четыре мичмана при полном параде сделали предложение четырем дурочкам, в домах которых были колодцы. Вычерпав всю воду, они сразу же снялись с якоря.

– Но каково чувствовали себя невесты?

– Прекрасно! Зареванные до обморока, они долго бегали по берегу, как угорелые кошки. Их сердца были разбиты, а колодцы вычерпаны...

Оркестр умолк. Коковцев проводил даму к ее мужу.

– Завтра, – указал он, – идите на веслах в бухту Диомид и там накачивайтесь водой до самого планшира...

Спасибо за совет! Коковцев на следующий день наполнил у Диомиды баркас водою, а гребцы, предварительно раздевшись догола, орудовали веслами, сидючи в воде по самые шеи. Таким способом пригнали к «Наезднику» пять баркасов хрустальной водички, но команда клипера разматерила их:

– Вы, пока гребли, паскуды, – говорили матросы, – ведь этой же самой водой все хвосты свои грязные выполоскали...

Командир выразил Коковцеву свое удовольствие:

– Убедились? Офицер русского флота, подобно библейскому Моисею, способен источить воду даже из твердого камня...

Было жаль покидать Владивосток. В последний раз посетив берег, Коковцев встретил на пристани старенького учителя.

– А где вы, сударь, такую тужурку купили?

Коковцев тужурке своей не придавал значения.

– Да это, знаете, еще в Копенгагене, в лавке морских товаров... неподалеку от музея скульптора Торвальдсена.

– Живут же люди! – отозвался учитель, сгорбясь. – А я и позабыл о таком скульпторе... Очень трудно в наши края забраться, но сил не хватит отсюда выкарабкаться.

Коковцев долго пребывал под впечатлением этой грустной беседы. Он понимал, что изнанка жизни во Владивостоке очень сложная, и не скоро еще люди заживут в этих краях полнокровной радостью бытия. «Наездник» держал три котла под парами, легко набирая улы.

Миновал скалу Дажелета, сдали тужурки в шкиперскую. Коковцеву опять выпала ночная вахта. Сверясь со штурманской прокладкой, он сказал, что, очевидно, ровно в два часа ночи клипер выйдет на траверз Цусимы:

– Вас не будить, Петр Иванович?

– Остров как остров, – зевнул Чайковский. – Ничего примечательного. Глубины приличные. Зачем меня дергать?..

Цусима – без единого огонька, будто вымерла! – сонным призраком исчезла за кормою клипера. Коковцев еще не забыл лекций в Морском корпусе: ведь недавно местный феодал Цу Шима уступил остров для размещения базы русского флота, но вмешались, как всегда, пронырливые англичане, и микадо прибрал остров в свое подданство. Но там остались наши дороги, наши грядки с капустой, наши мастерские и даже баня из бревен, пахнувших русским смолистым лесом. Ночная вода, отяжелев, нехотя расступалась перед таранным «шпироном» боевого клипера. И никто ведь не подозревал, что имя этого острова – Цусима! – острое, как сабля самурая, болезненно вопьется в сердце каждого русского человека...

«Окини-сан, ждешь ли? О чем думаешь, нежная?»

...

Никто не сомневался, что уже завтра они окунутся в разморенную влажностью духоту нагасакской бухты. Но проливом Броутона, оставляя Корею по правому борту, вошли в бурное Желтое море, и только здесь известились от командира, что «Наездник» следует в порт Чифу, сохраняя полную боевую готовность.

– Очевидно, будем снимать с берега наше посольство.

– А как же Окини-сан? – вырвалось у Коковцева...

В штурманской рубке страдал на диване жестоко укачавшийся Леня Эйлер. Коковцев быстро листал календарь.

– Что ты? Или прохлопал день своего ангела?

– Ангела, – подавленно ответил Коковцев. – Подумай, завтра кончается срок моего контракта, и Окини-сан уже не моя!

Эйлера мучительно и долго выворачивало в ведро.

– Море не любит меня, – сказал он, брезгливо вытирая рот. – Извини... Но я крестил свою Ибуки-сан в православную веру, и теперь ее опекает наш епископ Николай, а не эта пройдоха Оя-сан с брошкой вроде чайного блюдечка.

Страшный крен отбросил Коковцева к переборке, почти расплющив о стенку, рядом качался, как роковой маятник, медный футляр ртутного барометра, показывавшего: «Ясно».

– Все пропало! – отчаялся мичман.

– Погоди, – утешал его Эйлер со стоном. – Если доверяешься женщине, так и не думай о ней скверно... Так ли уж хорошо знаем мы этих «мусумушек», как они изучили нас, русских?

Коковцев, цепляясь за поручни, выбрался на «банкет» мостика. В сизом угаре вечера скользила, прижатая к воде, тень британского крейсера, и, указывая на него биноклем, Атрыганьев хохотал словно заправский опереточный злодей:

– Вот уж правда, что мир принадлежит одним джентльменам! Виктория ограбила полмира, но старой жабе все еще мало...

Перед заходом в Чифу решили отстояться в Порт-Артуре, хотя китайцы могли «салютовать» клиперу прямой наводкой. На всякий случай, вне видимости берегов, опробовали работу плутонгов и действия комендоров. Китаю поставлял орудия германский Крупп, однако Чайковский сказал, что любая пушка, побывав в руках китайцев один только год, превращается в ржавый скелет. Бросили якоря на внешнем рейде, подальше от батарей, на клотик фок-мачты «Наездника» сразу уселась ворона.

– Не к добру, – решил суеверный командир клипера.

Коковцев робко постучался в каюту Чайковского:

– Петр Иванович, у меня тошно на душе: месяц контракта кончился, а как удержать Окини – не придумаю. Оя-сан не станет держать ее даром и наверняка заставит переписать контракт. Тем более в Нагасаки вернулся холостой «Джигит»!

– Скорее всего так и будет.

– Что же мне делать? – приуныл мичман, чуть не плача.

Чайковский обнял его, как отец родного сына:

– Милый вы мой! Никак серьезно влюбились?

– Я уже не могу... не могу жить без нее!

– А не вы ли осуждали любовь по контракту? Ладно, – сообразил Чайковский, – в Чифу наш консул, поговорите с ним. А что там ворона? Еще сидит, падаль, на клотике?

– Сидит и каркает. Лучше бы пристрелить...

Ворона сорвалась с мачты, когда клипер развернулся в море. Чифу, отгиснутый в море мрачными скалами, показался гаже всего на свете. Коту все равно где спать, священнику тоже, но доктор просил не пускать матросов на берег. В первую же ночь стоянки «Наездник» был ослеплен ярким блеском фонарей английского крейсера, положившего якоря на грунт Чифу невдалеке от клипера. Дул сильный ветер, по рейду гуляла тяжелая зыбь, на камбузе из котлов выплеснуло матросское варево. Для офицеров были открыты консервы «Pate de lièvre» (паштет из зайца) американского производства. Геннадий Петрович Атрыганьев терпеливо выждал, когда офицеры наелись, потом сказал:

– От души поздравляю, господа! Уж если нельзя верить газетам, то как же можно верить тому, что писано на этикетках? Американцы давно передушили всех кошек в Чикаго и Нью-Йорке, понаделали из них паштетов и теперь продают их в консервах наивным французам. – Посещать берег он дружески отсоветовал: – В Чифу ничего любопытного.

Коковцев все же побывал в городе, дабы повидать консула, и тот, человек дела, сразу подсказал верное решение.

– Назовите фамилию дамы своего сердца, мы срочно переведем необходимую ей сумму для продления контракта.

Увы, Коковцев фамилии Окини-сан не ведал.

– Так-так, – поразмыслил консул. – А кого вы знаете в Нагасаки, помимо этой несчастной куртизанки?

– Гордея Ивановича Пахомова, у него там ресторан.

– Отлично! Вот пусть он вам и поможет...

На радостях Коковцев перевел в Нагасаки деньги за полгода вперед. Он вернулся на клипер, рассказывая, что в Чифу много винограду и черешен, а еще больше гробов, выставленных на продажу, – таких красивых, что глаз не оторвать.

– Упаси нас бог! – суетился доктор. – Тут, что ни год, всякие эпидемии. Стоит ли рисковать ради свежих фруктов? Вы лучше скажите – что говорил вам консул о войне?

– Он сказал, что все зависит от того, чье давление в Пекине пересилит – или давление Уайтхолла, тогда война, или давление нашего Певческого моста³, тогда войны не будет...

По ночам британский крейсер бесцеремонно освещал клипер, словно проверяя – здесь ли русские, не снимают ли с берега свое посольство? Потом с моря подползли две низкие, как сковородки, расплывшиеся на воде «черепахи» китайских канонерок. На их мостиках, похожих на этажерки, согревались ханшой и чаем важные и толстые мандарины императрицы Цыси. Нервы у русских моряков были крепкие, но все же неприятно видеть, когда враг пошевеливает

³ *Певческий мост* – обиходное название министерства иностранных дел, размещавшегося тогда возле Певческого моста в Петербурге.

пушками, словно хирург пальцами, стараясь нащупать твое сердце. В этот день Чайковский позволил открыть шампанское.

Офицеры «Наездника» рассуждали о судьбах Китая:

– Нищие сидят на улицах с открытыми ртами, внутри ртов черным-черно от набившихся туда мух, и ни один не догадается рот закрыть... Что это – лень или тупость?

Атрыганьев органически не выносил китайцев за их «особое» отношение к чистоте, но сейчас (будучи человеком справедливым) он яростно вступился именно за китайцев, доказывая, что весь этот ужас – результат наследия опиума:

– За упадок своих сил пусть они благодарят англичан. Лет сорок назад богдыхан отправил письмо королеве Виктории, чтобы она перестала отравлять Китай наркотиками, но эта респектабельная ведьма, любящая ростбифы с кровью, даже не ответила... А на что рассчитывает теперь Пекин, задевая Россию?

Эйлер завел речь о чиновном сословии Китая:

– Мандарины ради получения должности обязаны пройти конкурс по написанию литературного сочинения, в котором выше всего ценится красота слога. На мой взгляд, как бы ни относиться к писателям, но... Представьте, господа, если я вам составлю из них правительственный кабинет... Невозможно вообразить тот несусветный кавардак, который бы они устроили из нашей бедной России...

Заглушая разговоры, последовал доклад боцмана:

– «Разбойник» прется на рейд! Парусов не убрал, машинкой тарыхтит – и прямо на нас, ажно глядеть-то страшно...

«Разбойник» всегда славился флотским шиком, потому все офицеры поспешили наверх. Карл Карлович Деливрон уже нацелился пройти своим бортом впритирку к борту «Наездника». На британском крейсере и на китайских канонерках повысыпали на палубы толпы матросов, пораженных небывалым зрелищем. Сближение двух кораблей грозило катастрофой! Уже были видны улыбки на лицах разбойников, а ветер свирепо раздувал бакенбарды на довольной физиономии Деливрона. Командир «Наездника» в ужасе схватился за голову, крича:

– Шарло! Право руля... реверсируй машиной!

– Ученых не учат, – раздался ответ Деливрона. Казалось, еще минута, и громадный лес его рангоута станет сокрушать рангоут «Наездника», калеча матросов, сверху рухнут обломки дерева, людей опутают узлы рваного такелажа. Чайковский, поставив ногу на ступень трапа, покурил сигару. Его опытный глаз чутко реагировал на дистанцию.

– Красиво идет Шарло – можно позавидовать! – Два клипера сошлись уже так близко, что не надо было кричать, и Петр Иванович, не повышая голоса, спокойно передал Деливрону: – Эй, если тебе так хочется, так целуй нас поскорее...

Расчет Деливрона был ювелирным: блок на ноке грота-рея «Разбойника» звонко ударился в блок фока-рея «Наездника», будто два приятеля, радуясь встрече, чокнулись бокалами. Мимо пронесло громаду клипера, с которого крикнули:

– Never mind, Captain, all right!

– Благодарю, – отвечал Атрыганьев. – Вы были столь деликатны, что у нас не проснулись ни кот, ни поп, ни доктор. Но с вас бутылку шампанского за разбитый блок... слышите?

...

Адмирал Лесовский нарочно перегнал лихого «Разбойника» в Чифу, чтобы поддержать «Наездника» в его одиночестве, и китайские канонерки убрались в Вэйхайвэй. Англичане были явно шокированы высоким маневренным мастерством русских, командир крейсера нанес офи-

перам клиперов краткие вежливые визиты. Однако международной дружбы кораблей, какая обычно завязывается на пустынных рейдах, не возникло. Да и откуда ей быть?..

Капитан второго ранга Деливрон появился в кают-компании «Наездника», широким жестом выставил шампанское:

– Если вы такие бедные, так вот вам за разбитый блок...

Его спрашивали – какие новости на эскадре?

– «Дядька Степан» ногу сломал. Во время шторма. Разлетелся, как всегда, по палубе и ногой под вантину – крак! Теперь флагманская «Европа» заляпана гипсом, словно больница. Но старик счастлив: его Клавдия Алексеевна облачилась в балахон Красного Креста, что дает ей право быть подле мужа на корабле. Очень милая и симпатичная особа...

Пребывание на рейде Чифу было столь тягостно, что впору запить, посему офицеры клиперов договорились вообще не пить ничего, кроме чая. Оттого и разговоры были серьезные, без присущего морякам «трепачества». Молодежь с «Наездника» не могла налюбоваться на кавторанга Деливрона – это был человек смелый и дерзкий! Потомок французских аристократов, которые спасались от гильотины в России, он наперекор истории выписывал чересчур сложную циркуляцию. Внук роялистов, кавторанг превратился в ярого демократа, высказывая порой страшные вещи о неизбежности революции в России, но, как истый француз, перестрадавший катастрофу под Седаном, он не забывал лягнуть и Германию:

– Немцы утверждают, будто мы, скифы, владея мощью армии и флота, помогаем кайзеру душисть стремление немцев к революции, и она бы непременно случилась в Германии, если бы не мы, русские вандалы, со своими гармошками и блинами, с балалайками и самоварами. Но помилуйте! – восклицал Деливрон. – Россия давит на свободу в Германии, она сдерживает всю эту сволочь во главе с Бисмарком и его генералами. Мы еще посмотрим, – угрожал Шарло, – кто после моей Франции начнет революцию раньше – отсталая Россия или передовая Германия?..

Больше месяца «Наездник» с «Разбойником» томились в Чифу, выжидая разрыва дипломатических отношений. Наконец, пощадив их, Лесовский пригнал «Забияку» на смену одному из клиперов – по жребию! На нейтральной палубе «Забияки» бросали жребий: «Наезднику» выпало счастье покинуть опостылевший рейд. Забрав от посольства в Пекине обширную почту для «дядьки Степана», клипер уже снялся с якоря, когда вдруг вспомнили, что на берегу оставили белье в стирке – у китайских прачек. И хотя жаль было терять почти все исподнее и постельное, но желание убраться из Чифу оказалось сильнее:

– Черт с ними, с этими тряпками, наживем другие...

После быстрого бега по волнам перед ними открылась прекрасная панорама Нагасаки. «Наездник», словно гарцуя в манеже, четко обрезал корму флагманской «Европы» и подлетел к «Джигиту», сверкая покрашенными бортами:

– Эй, джигиты! Как дела в Нагасаки?

– Эскадра уходит в Иокогаму.

– А зачем – знаете?

– Нас желает видеть японский микадо Муцухито...

Разгадав нетерпение Коковцева, старший офицер сразу же отпустил его на берег, но мичман скоро вернулся на клипер, и по его лицу Эйлер догадался, что случилась беда.

– Окини-сан пропала... ее нигде нет.

Да, опустела Иноса, золотые рыбки в пруду перестали вилять золотыми хвостиками. А ресторатор Пахомов сам ничего не знал и вернул мичману деньги, полученные из Чифу:

– Поставьте крест на ней и не мучайтесь, уж чего-чего, а этого-то добра в Японии хватает...

Ленечка Эйлер не стал утешать Коковцева:

– Скажи чистякам, чтобы привели в порядок твой парад. Муцухито будем представляться в треуголках, при саблях...

Коковцев, убежав в каюту, захлопнул иллюминатор, чтобы не видеть огней Иносы, когда-то манящих своим теплом, почти человеческим... «Все пропало! Все, все...»

...

Тронулись! Через Симоносекский пролив корабли проникли в Средиземное (внутрияпонское) море, прикрытое с океана обширным островом Сикоку; слева осталась неприметная уютная Хиросима, справа колебались на воде огни Мацуямы; ночью двигались осторожно – в карнавальной пестроте фонарей джонок слышались тягучие рыбацкие песни.

Давно уже не доводилось видеть таких чудесных ландшафтов. Покрытые хвойными лесами, высились конусы погасших вулканов, в долинах росли пальмовые и бамбуковые рощи. Русских очень удивляло множество деревень и преизбыток людского населения. Всюду купались голопузые японские ребяташки, а молоденькие японки, не стыдясь наготы, подплывали к бортам кораблей, протягивая зажатых в руках плещущих серебром рыбин:

– Тай, тай, русики! – кричали они с воды.

Это не было искаженное: «дай, дай», – японки дружелюбно предлагали русским кету (тай), только что выловленную их мужьями. Растрогавшись, лейтенант Атрыганьев сказал:

– Уж сколько я плаваю на Дальнем Востоке, а лучше Японии ничего нету. И как это замечательно, господа, что нас здесь любят, а страна эта близка нашей России...

Перед выходом в Тихий океан ненадолго зашли в Кобе, где восхищались водопадами, в шуме которых, на зеленых лужайках, ютились чайные домики с приветливыми веселыми гейшами. Атрыганьев не удержался и, взягивая длинными ногами, показал, как пляшет канкан мадмуазель Жужу из сада-буфф «Аркадия», чем очень позабавил японок. Отсюда, от Кобе, начинались провинции, славящиеся красотой женщин. Было очень жарко. Над мостиками натянули белые прохладные тенты. Чайковский сказал, что скоро будет видна Фудзияма, а минер Атрыганьев пытался развеять печаль мичмана Коковцева:

– Золотая иголка в стоге душистого сена... забудь ее!

– Разве могу я забыть Окини-сан?

– Но забыл же ты Ольгу в Петербурге!

– Мне уже не верится, – ответил мичман, – что в Петербург вернемся. Порою кажется, здесь и останемся навсегда...

Иокогама открылась к ночи видом Фудзиямы и большим пожаром (какие в японских городах, строенных из дерева, бамбука и бумаги, случались часто). Командир стал волноваться:

– Жаль бедных японцев... чем бы помочь им?

Срочно собрали «палубную команду», приученную к схваткам с водой и огнем. Коковцев возглавил эту деловую ватагу, до зубов вооруженную топорами, переносными помпами и рукавами шлангов с «пипками». Появление русских на пожаре японцы встретили радостными возгласами. Забивая пламя водой из соседних прудов, матросы кулаками расшибали пылающие домишки, похожие на шкатулки, не давали огню перекинуться далее. Чумазые и довольные, вернулись на клипер глубокой ночью. Коковцев совсем не выспался, но его рано разбудило брэнчанье посуды, перемываемой вестовыми в офицерском буфете.

– Ехать так ехать, – сказав мичман, зевая...

Поезда из Иокогамы в Токио отрывались от перрона каждые сорок минут, а шли они со свирепой скоростью, что даже удивляло. Всю дорогу офицеры простояли возле окон. Квадраты рисовых полей были оживлены фигурами согбенных крестьян, стоящих по колено в воде; над их тяжкою трудовой юдолью кружились журавлиные стаи. Русских удивляло отсутствие домашнего скота и сельской техники – японцы все делали своими руками, а широкие шляпы из соломы спасали их от прямых лучей солнца. Экспресс с гулом, наращивая скорость, пронёсся вдоль каналов, застроенных дачами столичных богачей и сановников императора.

Токийский вокзал, на вид неказистый, встретил гостей суматохой, свойственной всем столицам мира, только здесь было больше порядка и никто не зарился получить чаевые. В этом году открылась обширная ярмарка в парке Уэно, офицеры отдали дань почтения бронзовым Буддам в деревянных храмах, покрытых нетленным лаком, надышались разных благовоний в кумирнях, закончив утомительный день на торговой Гинзе, где за гроши скупали всякую дребедень, посмеиваясь:

– Для подарков знакомым в России сойдут любые «дровишки». Нашим что ни дай японское – за все скажут спасибо...

На следующий день состоялся парад. Офицеры с эскадрой Лесовского заняли на плацу отведенное им место, выстроившись позади русского посла К. В. Струве и чиновников его посольства. Регулярные войска Японии они подвергли суровой критике за небрежный вид, за плохое оружие. Англичане, конечно же, не удержались и продали японцам свои палаши времен Ватерлоо, которые малорослые японцы таскали по земле. Наконец показалась карета в сопровождении уланов, неловко сидящих на лошадях, впереди с развернутым штандартом проскакал адъютант микадо... Струве обернулся к офицерам:

– Господа, вы же не дети – перестаньте шушукаться!

Принц Арисугава, взмахнув саблей, скомандовал оркестру играть гимн, в мелодии которого Ленечка Эйлер сразу уловил большое влияние парижских кафешантанов, о чем он тут же и сообщил офицерам...

Струве сердито прошипел ему:

– Наконец, вы, господа, ведете себя как мальчишки...

Молоденькая микадесса Харухо лишь выглянула из кареты, моментально спрятавшись обратно, как испуганный зверек, а сам Муцухито вышел на плац – маленький подвижный человек с внимательными глазами на оливковом лице. Пересев на лошадь, накрытую травяным вальтрапом и золотыми пышными хризантемами, он неторопливо объехал войска, после чего солдаты, топоча вразброд, продефилировали перед ним в церемониальном марше. Офицеры опять подвергли критике все увиденное ими:

– Во, сено-солома... Разве же так русские солдаты ходят? Коли идут, так земля трещит! Далеко японцам до нас...

Микадо, не сказав никому ни слова, уже сажился в карету, его адъютант подошел к офицерам с русских кораблей.

– Императорское величество, – сказал он, – интересуется, – кто из вас, господа, помогал тушить пожар в Йокогаме.

– Это был я, – отозвался Коковцев, заробев.

Японец укрепил на его груди орден Восходящего солнца. Мичмана поздравили вице-адмирал Кавамура и военный министр Янамото, а посол Струве приподнял над головою цилиндр. Затем было объявлено, что Муцухито, выражая морякам России особое благоволение, разрешает им осмотреть военные базы в Овари и гавань Тобо, закрытые для других иностранцев...

«Наездник» снова окунулся в сверканье моря. Доверие, оказанное японцами, приятно щекотало русское самолюбие, а Чайковский по-стариковски брюзжал, что самураи ничего путного не покажут. Высадились в бухте Миа, возле города Нагойя; влияние Европы здесь сказывалось гораздо меньше, нежели в Токио или в Нагасаки, но гостиница все же называлась «Отель дю Прогрэ» (хотя весь прогресс ограничивался наличием стульев, ножей и вилок). Спать пришлось, опять-таки упираясь затылками в жесткие макуры. Утром офицеров навестили губернатор Намура и генерал Ибисан, оба в европейских фраках и при цилиндрах; оставившие свою обувь при входе самураи нелепо выглядели в белых носках-таби. Обещая ничего не скрывать от русских, они, напротив, не столько показывали им запретное, сколько утаивали его.

Недоверчивый Чайковский бубнил:

– Я так и думал... что с них взять-то?

Зато Нагойя была чудесна! Город издревле соперничал с Киото в искусстве гейш, воспитанных на манерах «сирабуёси», истоки которых терялись в «эпохе Тоба» XII века, и русские офицеры охотно посетили уроки танцев девочек-майко, будущих куртизанок. Педагогический институт и гимназия поразили умопомрачительной чистотой. Студенты и гимназисты с особым почтением кланялись Восходящему солнцу на груди мичмана Коковцева. Это дало повод Атрыганьеву заметить, что Вовочка, при всей его бедности, может здорово разбогатеть, ежели станет показываться на Нижегородской ярмарке купцам за деньги.

– *Гафф!* – оскорбился мичман...

Вечером губернатор Намура устроил для русских ужин. Прислуживали японки удивительной красоты, которых портила, как всегда, густая косметика.

Во время еды, усиленно помогая русскому пищеварению, восемь почтенных стариков в белых киримонэ непрерывно стучали палками по восьми барабанам. Когда они ушли, Атрыганьев сказал:

– Наверное, сейчас нам покажут что-либо секретное, чего никто из европейцев не видел. Недаром же приказал сам микадо!

Японцы не подвели: одна из бумажных стен зала вдруг стала наполняться густым малиновым заревом и непонятым подозрительным шумом. Это явление развеселило шутников:

– Кажется, горим... не пожар ли?

Но мичману Коковцеву снова выпал случай отличиться перед японским микадо...

Присутствие в городе, из которого явилась Окини-сан, действовало на Коковцева угнетающе, он не был расположен к юмору и с мрачным видом послал шутников ко всем чертям. Стенка, за которой бушевал мнимый пожар, неожиданно исчезла. В глубокой галерее, освещенной красными фонариками, возникла волшебная пантомима. Колыша веера, гейши не столько танцевали, сколько переходили с места на место – мягкими кошачьими шажками, будто подкрадывались к добыче. А каждый их жест или поворот тела таил в себе богатую символику никому не понятных признаний и откровений.

Когда офицеры возвращались в «Отель дю Прогрэ», Чайковский сказал, что самураи ничего не показали.

– Позвольте! – хохотал Атрыганьев. – Но гейш-то они полностью разоблачили перед вами, а вам все еще мало?

– Ну их, – отвечал Чайковский. – Все они почти бестелесны, будто их вырезали ножницами из красивой бумаги. Зато вот, помню, в Алжире... Геннадий Петрович, были в Алжире?

– А как же! – отозвался Атрыганьев. – Только там я и понял, как царице Савской удалось соблазнить царя Соломона, после чего старик и впал в библейскую мудрость...

Через день, заманивая русских подальше от доков и арсеналов, японцы отвезли их на образцовую бумагопрядильную мануфактуру, губернатор Нагойи с упоением хвастал, что Япония уже обогнала несколько ткацких фабрик в Англии:

– Мы ничего от вас не скрываем! Вы сейчас и сами убедитесь, что мы работаем быстрее, лучше, дешевле...

В грохоте ткацких станков, снующих локтями деревянных сочленений, в мути едкой удушливой пыли, ряд за рядом сгибались сотни японских женщин, все как одна обнаженные до поясов, их почти детские тела маслянисто блестели от мелкого пота. Они, казалось, не видели ничего, кроме бегущего вдаль движения ниточной паутины... Офицерам флота, избалованным всякой экзотикой, было совсем нелюбопытно посещение этой сатанинской кухни; они вяло переговаривались между собою:

– Если и правда, что японки из Нагойи самые красивые, то их красоту и грацию японцы используют не совсем удачно.

– Да, эти Пенелопы быстро превратятся в старые мочалки, никакой Улисс не сыщет в них следов былой красоты.

Именно в этот момент Коковцев увидел Окини-сан... Но она-то, конечно, не видела ничего, поглощенная бегом нескончаемой нити – длиной в целую жизнь. «Как быть?..»

Коковцев подошел к ней из-за спины, сказав:

– Это я! Вечером постарайся быть в «Отеле дю Прогрэ», я дам тебе билет на пароход в Нагасаки...

Только по тому, как вздрогнули ее плечи, мичман догадался, что Окини-сан плачет. Но мичман тут же заметил, что одинаково с нею содрогаются плечи и всех других работниц, безжалостно потрясаемые чудовищным ритмом новой Японии – Японии «эпохи Мэйдзи», в которой Страна восходящего солнца не будет иметь пощады – ни к самим себе, ученикам, ни к тем, кто был их учителями... И ничего больше самураи русским не показали! А когда эскадра Лесовского вернулась в Нагасаки, берега Японии долго трясло в затяжном шторме, с домов рвало крыши, и ходили слухи, что море поглотило пять пассажирских пароходов. Коковцев не верил, что море будет безжалостно к нему и к его любви... Буря, буря! Страшная буря...

...

С тех пор как в 1588 году пират Дрейк, встречая на борту корабля английскую королеву Елизавету (известную своим безобразием), сделал вид, что ослеплен ее красотой, а потому вынужден заслонить глаза ладонью, – с тех самых пор воинское приветствие стало традицией. Правда, на флоте «козырянием» не баловались – в тесноте отсеков или на мостике людям не до этого! Но зато возле наружного трапа, при встрече начальства, офицеры надолго застывали с рукою у козырька...

Адмирал Лесовский указал клиперу «Наездник» принять вице-адмирала Кавамуру с дочерью-фрейлиной О-Мунэ-сан и посла Струве с женою; если японец пожелает видеть взрыв мины – не отказывайте ему! Прибытие высоких гостей совпало с вахтой Коковцева, и он очень долго не отрывал руки от фуражки, пока по трапу не втащили толстую Марью Николаевну, госпожу посланницу, которую не слишком-то деликатно подпихивали в «корму» фалрепные матросы, одетые в белые голландки с обрезанными рукавами. В кают-компании клипера Кавамура вел себя скромно и сердечно, достаивая улыбкой даже «чистяков», сервировавших стол для завтрака. Он не скрывал, что раньше был сторонником сёгуната Токугава.

– Я самый настоящий японский самурай и таковым останусь, – произнес он без тени аффектации, как иные люди говорят о себе, что они блондины и перекрашиваться нет смысла...

Еще недавно самурай, покупая клинок, обретал право «мамэсигири» – отрубить голову первому встречному, испытывая на его шее остроту меча. Теперь, деклассированные «эпохой Мэйдзи», самураи кинулись к новым видам оружия – офицерами в казармы и в рубки кораблей, чиновниками в банки, заправилами на заводы, дипломатами в посольства.

После сильного шторма море еще не могло успокоиться: плоско, но тяжело гуляла океанская зыбь, которая иногда бывает хуже бури. «Наездник» бежал по волнам, красивую дочь Кавамуры укачало, и она ушла наверх. Вцепившись в снасти, фрейлина застыла над бочкой с водой, служившей матросам для бросания в нее окурков. Струве просил вахтенного офицера пригласить ее в общество к моменту произнесения тоста за дружбу двух императоров – русского и японского. Не так-то легко было оторвать красавицу от бочки! Коковцев верно рассудил, что фрейлине сейчас не до политики. Он подхватил японку на руки и, балансируя на шаткой палубе, удачно спустился по трапу в жилые отсеки. Странное дело! От волос О-Мунэ-сан исходил привычный запах, напомнивший ему Окини-сан... Словно догадываясь, как ему сейчас трудно, фрейлина крепко обняла его за шею. Бросаемый со своей ношей от борта к

борту, Коковцев шел вдоль длинного офицерского коридора, из своей каюты его страдальчески окликнул пластом лежавший фон Эйлер:

- Вовочка, что за красивый мешок у тебя?
- Это не мешок – фрейлина.
- Куда ж ты ее тащишь?
- На диван. И поставлю ей тазик...

Потом мичман вернулся в кают-компанию и сказал Кавамуре, что его дочь в адмиральском салоне, где ей обеспечен приличный комфорт. Этим он заслужил одобрителный оскал зубов старого самурая... «Наездник» сильно вздрогнул, вибрируя корпусом. Струве постучал лезвием ножа по пустому месту, ибо тарелка уехала от него подальше – на другой конец стола.

– Я хотел бы отразить следующий этап в истории наших симпатичных отношений с Японией, – разливался Кирилл Васильевич (которому с большим любопытством внимала его жена), а тарелка, повинувшись законам качки, сама по себе вернулась к послу России, и Струве с большим опозданием постучал по ней ножиком.

Промокший до нитки, явился сверху лейтенант Атрыганьев:

- Честь имею доложить – мина к взрыву готова!

Кавамуре поднялся из-за стола, и офицеры с уважением отметили, что боевой самурай отлично держится на палубе.

– Взрыв мины – это очень интересно для моей дочери! Завтра же она расскажет об этом случае микадессе Харухо...

Чайковский на этот намек отреагировал мгновенно:

- Вахтенный офицер, прошу вас – распорядитесь...

Коковцев отделял фрейлину от дивана с таким же рвением, с каким недавно отрывал ее от бочки с окурками. Не надеясь, что она сведуща в языке английском (а сам беспомощный в японском), мичман бестолково решил объясняться по-русски:

– Я бы вас не тревожил, но ваш отец сказал, что вы любите взрывы. Я согласен ждать, но мина ждать не станет...

Миной с «Наездника» была взорвана прибрежная скала, но фрейлина, измученная качкой, даже не дрогнула, зато ее папаша был крайне внимателен ко всем действиям русских минеров. Струве желал высадиться в ближайшей бухточке, дабы устроить пикник, но Кавамуре сказал:

- Для моей дочери виденного вполне достаточно!

На прощание О-Мунэ-сан слабо пожала руку Коковцеву, после чего сказала ему на хорошем французском языке:

– Я вам так обязана, господин мичман! Если будете в Петербурге, возможно, мы с вами еще не раз встретимся. Впрочем, – добавила она, потупив глаза, – я живу на даче в Тогицу, это всего лишь десять верст от Нагасаки... Ждать ли мне вас?

К мичману, растерянному от такого внимания фрейлины, вдруг подошел вице-адмирал Кавамуре со свертком в руке:

– Вы встречали меня у трапа и ухаживали за моей дочерью. Я желаю выразить вам свою признательность. – Он развернул сверток, в нем оказался самурайский меч с рукоятью, обернутой в шкуру акулы (шершавой, как наждак). – Такой меч уже никогда не вырвется из руки! Он способен одинаково хорошо рассекать пополам стальные гвозди и даже тончайший женский волос, плавающий на водной поверхности.

Коковцев отдал честь, как бы заслоняя глаза от яркого солнца. Ничто еще не было решено, да и решится все не так, как он думал. В кают-компании после отбытия гостей царил настоящий погром. Чайковский велел «чистякам» поскорее убрать осколки посуды, разбитой во время качки. Коковцев заглянул в лоцию: Тогицу лежала на берегу залива Омуру, откуда вытекала речка, бегущая прямо к Иносе.

– О-Мунэ-сан прелесть, – искушал его Атрыганьев. – Даже очень хороша... На твоём месте я бы поехал в Тогицу!

Минер пригляделся и снял что-то с плеча мичмана:

– Откуда у тебя такой длинный женский волос?

Наверное, его оставила на плече О-Мунэ-сан, когда мичман нес её с палубы до салона. Коковцев протянул руку:

– Давай! Сейчас я этот волос разрублю пополам...

Меч оказался бритвенной остроты.

...

Потрепанный штормом пароход пришел в Нагасаки с большим опозданием, и снова зажглись фонари на террасах в иносском саду Окини-сан.

Окини-сан с нетерпением ожидала конца августа:

– Скоро будет праздник дзюгоя, и мы проведем его вместе. В этот день, голубчик, нам будет особенно хорошо...

О случившемся с нею известились офицеры эскадры, единодушно признавая, что женщина поступила благородно: «Дай-то, бог, всем нашим женам сохранить такую же верность, как эта «мусумушка»...» Все удивлялись! Но сама Окини-сан ни разу не выразила удивления тому, что Коковцев случайно отыскал её: случайность для всех – для японки была неведомым законом постоянства любви. Коковцев лишь смутно догадывался, что у этой женщины свой необозримый мир, никак не схожий с его мироощущением. Только теперь, после долгой разлуки, Окини-сан сделалась откровеннее. Она рассказала, что её предки три столетия подряд были заняты одним постоянным делом: они жарили угрей на продажу подобно тому, как в других семьях веками ковали мечи, плели татами или убрали мусор на улицах. Округлив свои глаза, обычно узкие, Окини-сан шептала мичману, как сложно иметь дело с коварными угрями:

– Множество злых духов сторожат их от беды, а мои предки, прежде чем жарить угрей, произносили массу заклинаний, оберегая себя и свои противни от всяческого зла...

Вскоре стало ясно: пока в Петербурге дипломаты не договорились с Пекином, клиперу с Дальнего Востока не уйти – он превратился в «стационар». Отчасти эта задержка выпала кстати: возникло немало поломок в корпусе, потекли холодильники и зашлаковались котлы, а ремонтная база в Нагасаки была отличной, и теперь японские мастера, работая на совесть, с утра до ночи ковырялись в утробе клипера. Но затянувшаяся стоянка расслабила офицеров: отстояв вахту, они спешили к своим «мусумушкам», многие из которых были уже беременны. Это никого в Иносе не тревожило, тем более что офицеры зачастую брали японок с чужими детьми, неизменно уделяя им долю и своего «отцовского» участия.

Японцы никогда не отличались рыцарским отношением к женщине. Сделать себе характер в момент неудачи или сложить голову во славу микадо – это они умели, но... женщина?

Понятно, что русские офицеры, воспитанные совершенно иначе (традициями, литературой и понятием чести), оказывали «мусумушкам» неподдельное внимание, стараясь по-рыцарски услужить им, ибо они... женщины, и этим все сказано! В сложном быту Иносы соблюдалась удивительная, неподкупная простота. Временность стоянки лишь подстегивала чувства, а денежный вопрос здесь никого не оскорблял – его попросту не касались. По заведенному в Иносе порядку, мусумэ домашнего хозяйства не заводили, обеды заказывались в ресторанах. Жили широко и даже бездумно, в Японии тогда все стоило баснословно дешево.

Близился японский праздник дзюгоя. Ничего не зная о сути праздника, Коковцев ожидал чего-то необыкновенного, но Атрыганьев поспешил разрушить очарование мичмана:

– Дзюгоя – обычное календарное полнолуние, но японцы в эту ночь стихийно превращаются в лунатиков. Сам увидишь!

Японская женщина не имела права вмешиваться в разговоры мужчин. Но в русских компаниях, зараженные европейской общностью, японки становились веселыми, хохотливыми, иногда даже язвительными на язычок, ловко подмечая мужские слабости. Беспечные разговоры затягивались до глубокой ночи, пока кто-либо не поднимался с татами, шелкнув крышечкой часов:

– Мне на вахту, господа. Ну, пока... сайанара!

В одну из таких ночей, когда гости покинули их, Коковцев спросил Окини-сан, почему она не вышла замуж, как и все порядочные женщины. Лучше бы он и не спрашивал ее об этом.

– Обещай, что не прогонишь меня, если я расскажу тебе все... Я родилась в году Тора, который повторяется каждые двенадцать лет. И все женщины моего года обречены на одиночество и презрение. Мужчины избегают нас, не желая с нами общаться. А если бы и нашелся муж, я бы доела после него обеды, на улице я бежала бы за ним только сзади, в гостях или в доме родителей мужа, пока он там пирует, я должна бы стоять под окнами и ждать его, как собака... хуже собаки!

– Отчего такая жестокость? – поразился Коковцев.

– Потому что мы приносим мужчинам несчастья, и я боюсь, что и тебе, голубчик, доставлю горе... Зато наш сын, если он родится в год Тора, это будет для него счастьем: мужчины Тора самые смелые, их все очень любят, и что они ни скажут – все становится законом для других...

Старая токугавская Япония еще держала Окини-сан в себе, и женщина, как заметил Коковцев, радовалась тому, что его не радовало, и огорчалась тому, чего он не понимал. В пятнадцатую ночь августа все огни в Нагасаки погасли – луна вступила в свои права. Окини-сан отворила дом для лунного света.

– Разве ты не видишь, как хорошо? – спросила она. – Я угощу тебя сладким моти, мы будем есть прекрасное дзони...

На низенькой подставке женщина с большим вкусом создала великолепный натюрморт из цветов и фруктов, она обсыпала его зернами риса. А фоном для этой картины служило небо, и женщина просила сесть лицом к лунному свету, отчего Коковцев испытал очень странное волнение: женщина – ночь – луна – затишье – вечность...

Ему снова подумалось, что душевный мир японки гораздо богаче, нежели его мир. Тихо, почти шепотом, она спросила:

– Нас никто не слышит?

– Нет.

– А мы с тобой вместе?

– Да.

– И ты меня любишь?

– Да...

Удивительный праздник еще не закончился!

...

Желая подтянуть своих разболтавшихся офицеров, Лесовский выгнал эскадру в море на практические стрельбы. Коковцев по боевому расписанию руководил носовым plutонгом. Там возле пушек стояли кранцы (ящики), в которых береглись снаряды «первой подачи», заранее франтовато начищенные – на случай начальственных смотров. Дула орудий, чтобы в них не попала морская вода, были заткнуты особыми пробками. Хотя всем ясно, что перед стрельбой пробку надобно из дула вынуть, но в практике русского флота бывали прискорбные случаи, когда, торопясь с открытием огня, вынуть ее забывали.

– Вы об этом помните, – предупредил Чайковский.

– Есть! – обещал Коковцев...

Корабли расстреливали в море пирамиды артиллерийских щитов. «Наездник» тоже нащупал цель. Огонь! И с первого же выстрела, опережая в полете снаряд, с грохотом и дымом вылетела эта дурацкая пробка. Лесовский с флагамена запрашивал: «Чем стреляли?» Пришлось честно сознаться: «Пробкою». «Дядька Степан» распорядился оставить командира носового плутонга на всю неделю без берега. Чайковский бранил Коковцева:

– Вы еще смеете извиняться! Лучше скажите мне спасибо, что к дверям вашей каюты я не поставлю часового с ружьем, иначе даже в гальюн будете бегать под конвоем...

Эйлер сообщил Коковцеву, что «Наездник», кажется, оставят в Сибирской флотилии с базированием на Владивосток:

– Тогда я сразу же подаю в отставку. Я давно мечтаю учиться в парижской «Ecole Polytechnique», а здесь что?

Коковцев сказал, что останется на клипере:

– Тем более сибиряки ходят на докование в Нагасаки.

– А! Вот ты о чем. Но, послушай, – доказывал ему Эйлер, – нельзя же строить планы жизни, учитывая и эту японку. В конце концов, все мы небезгрешны. Но, вернувшись на Балтику, самой жизнью и наличием эполет мы осуждены создавать семейное счастье по общепринятым образцам. Разве не так?

– Может, и так, – пожал плечами Коковцев...

В кают-компаниях клипера иногда возникали разговоры о Японии: друг она или затаенный враг? Мир уже испытал первые уколы японской агрессивности, но политики Европы, кажется, восприняли их как некую «пробу пера», сделанную самураями на лишней бумажке, которую впору выкинуть. Эйлер говорил:

– Пока японцы лишь удачно копируют окружающий мир. Но что станет с Японией, если она, как разогнавшийся паровоз, слетит со стандартных рельсов и помчится своим путем? Если Японии надо бояться, то... когда начинать бояться?

Петр Иванович Чайковский неожиданно заговорил, что если Япония и правда затаила в себе будущую угрозу России, то эту угрозу надо учитывать без промедления.

– Вот с этого дня, и не позже! – сказал старший офицер. – Кавамура еще способен воевать с китайцами и корейцами, но те адмиралы, с которыми нам, очевидно, придется еще сражаться на океанской волне, служат пока гардемаринами и мичманами... Вы, молодые люди, не верите мне? Жаль. Тонуть-то вам, а не мне. Я буду уже на пенсии, играя по вечерам в кегельбан на Пятой линии Васильевского острова... Вот там можете и навестить меня тогда – на костылях!

Никто не пожелал развивать эту тему дальше, а Окини-сан была восхитительна, как никогда. Коковцев еще ни разу не застал ее врасплох, неряшливо одетой или непричесанной. Как она умудрялась постоянно быть в форме – непонятно, но, даже проснувшись среди ночи, мичман видел ее с аккуратней прической, лицо женщины казалось только что умытым, а глаза излучали радость. И не было еще случая, чтобы Окини-сан хоть единожды вызвала его недовольство. Но даже когда он сам бывал виноват, японка сохраняла нерушимое спокойствие, ничем не выразив своей обиды... А осень была томительно жаркой, на ночь раздвигали стенки дома прямо на рейд, и, лежа подле Окини-сан, мичман видел вспыхивающие клотики кораблей, огни Нагасаки, с неба струились отсветы дальних звезд...

– Ты не спишь, голубчик?

– Не спится.

– Хочешь, я расскажу тебе сказку?

– Да.

– Но она очень смешная.

– Тем лучше.

Возле своих глаз он увидел ее блестящие глаза:

– Далеко на севере жил-был тануки...

– Кто жил? – не понял Коковцев.

– Тануки. Тануки жил очень хорошо. Он любил музыку, а животик у него был толстенький... как у меня! Когда наступали зимние вечера, тануки стучал себя лапкой по животику, будто в барабанчик, и ты смотри, как у него это получалось. – Распахнув на себе кимоно, Окини-сан выбила дробь на своем животе. – Разве тебе не смешно? – спросила она.

– Очень. А что дальше?

Пальчиком она провела по его губам:

– А сейчас ты начнешь смеяться, голубчик...

И он действительно смеялся над проделками японского зверька тануки, делового и хитрого. Но сюжет этой сказки Коковцев помнил со слов деревенской няни, только ее героиней была хитрая русская лисичка с пышным хвостом. С этим он и заснул, преисполненный удивления. На его плече спала Окини-сан, которая в любой позе сохраняла сложную прическу «итагаэси». Отверженная, она ведь знала, что много будет в ее жизни разных причесок. Но никогда не собрать ей волосы в купол «марумагэ», как это делают замужние женщины. Ей доступно лишь то счастье, которое она дарит другим...

Утром в Нагасаки ворвался клипер «Разбойник»!

...

Амбушюр переговорной трубы, опущенный с мостика в кают-компанию, хрипло выговорил, что «Разбойник» собирается резать корму адмиральской «Европы». Чайковский поленился идти наверх, уверенный, что Шарло Деливрон сделает этот маневр идеально. Коковцев видел бурун под носом клипера, когда он первый раз обрезал корму флага. Но «дядька Степан» велел обрезать корму еще круче. «Разбойник» разошелся с крейсером уже в одной сажени. «Ближе!» – потребовал Лесовский, после чего раздался скрипучий треск дерева и звон стекла...

– Все в порядке? – спросил Чайковский офицеров, гурьбой спешивших по трапу с палубы обратно в кают-компанию.

– Теперь порядок: «Разбойник» без носа, а на «Европе» все стекла вылетели. На эскадре сразу два инвалида!

Чайковский со вздохом отложил загасающую «манлу»:

– Вот уже второй раз Шарло гробит свою карьеру – с треском! Сейчас по лихости, а на Балтике, когда плывал старшим офицером на придворной «Александрии», по забывчивости...

– Но! – предупредил Атрыганьев. – Не станем наивно полагать, что у Шарло не было расчета и сейчас, когда он разворотил свой форштевень о балкон адмирала. Теперь, когда нос клипера всмятку, «дядька Степан» уже не пошлет «Разбойника» торчать на чифунском рейде...

Старший офицер сделал минеру строгое внушение:

– Геннадий Петрович, при всем моем уважении к вам, должен, однако, заметить, что нравы нашей эскадры не дают вам никаких оснований думать о нашем коллеге столь нехорошо.

– Извините, – покаялся Атрыганьев. – Я уважаю капитана второго ранга Карла Карловича Деливрона, но мне показалось странным, что он, способный «чокнуться» с нами нока-блоками, вдруг не сумел развернуть клипер в обрезании кормы.

– Его подвел глазомер, – заключил беседу Чайковский...

Ближе к зиме в Нагасаки усилилась влажность воздуха, отчего начал разлагаться порох в корабельных кюйт-камерах. А зима, по словам Чайковского, выпала очень суровой – по ночам термометры отмечали -1° . Однажды выпал и снег, русским было непривычно видеть под снегом хурму и хризантемы. Но японцев это не заботило: раскрыв над собой бумажные

промасленные зонтики, они спешили по своим делам, на спинах курток дженерикш, ожидающих седоков, снег засыпал большие номера (какие носили и кучера в русских городах).

Христианское Рождество не волновало безбожную Окини-сан, поклонявшуюся, как язычница, травам и воде, цветам и камням, зато новый, 1881 год она мечтала встретить с Коковцевым.

– Если клипер оставят на рейде, – обещал ей мичман.

Чайковский что-то долго подсчитывал на бумажке:

– Господа! На рейде двадцать восемь иностранных килей под военными вымпелами. Каждому кораблю наш клипер обязан принести поздравления с Рождеством. Следовательно, каждый из офицеров выпьет двадцать восемь бокалов с шампанским – при условии, если над каждым килем выпивать по одному бокалу.

Атрыганьев сказал, что двадцать восемь бокалов даже для него многовато, тем более в кают-компании клипера немало молодежи, которая пить еще совсем не умеет. Лейтенант добавил:

– Конечно, я охотно провел бы с мичманами тренировку, но до рождения Христа осталось мало времени, боюсь, что после третьей бутылки мичман фон Эйлер уже не услышит, когда на крейсере «Оклахома» американцы, танцую джигу, станут орать ему в самое ухо: «Янки дудль дэнди»!

– Я пас, – не стал возражать Эйлер.

– Я тоже, – сознался Коковцев.

– Все ясно, – рассудил Чайковский. – Поздравления будем делать в две очереди. Когда первая партия вольет в себя дозу шампанского, эстафету от нее примет вторая группа офицеров, еще свежая и бодрая, как спешащие на урок гимназисты.

С такой же разумностью поступили на кораблях всей русской эскадры, а иностранцы, не разгадав их секрета, были удивлены похвальной трезвостью офицеров российского флота...

Новогоднюю ночь Коковцев провел с Окини-сан.

Плавным жестом руки женщина потянулась к сямисэну:

У любимого дома –
бамбук и сосна.
Это значит –
у нас Новый год.
Нам все это знакомо,
как и снег у окна.
Но глаза мои плачут,
зато сердце поет.
Ах, никак не пойму,
как возникла беда
в этом слове моем –
никому,
никогда...

– Если это новогодняя песня, то почему такая грустная?

– Наверное, потому, что грустная я! Близится год Тора, в котором я снова буду несчастна, делая несчастными других. Зато как счастлив будет мальчик, если он родится под знаком Тора – тигра... Ты ни о чем не догадался, голубчик?

– Прости. Нет.

– А разве ты виноват?

Она распахнула на себе кимоно и, обнажив живот, снова отбарабанила веселую музыку, как смысленый японский зверек тануки.

Ранней весной клипер «Наездник» ушел в Шанхай.

...

Китай пребывал в политическом оцепенении. Весь в прошлом, он имел лишь жалкое подобие министерства иностранных дел (цзунлиямынь), зато обладал министерством китайских церемоний, министерством пыток и наказаний. Мандарины до сих пор верили, что Поднебесная империя – пуп Земли, им нечему учиться у европейцев, которых они искренно считали своими вассалами⁴. Они продолжали верить, что народы всего мира – лишь подданные богдыханов, случайно вышедшие из рабского повиновения. Мандарины не совсем-то понимали, почему эти «вассалы», вроде Франции или России, не сносят к воротам Пекина обильную дань? И уж совсем не могли объяснить народу, с какой это стати вместо принесения даров европейцы грабят Китай через таможни, укладывают, где хотят, рельсы и грозятся переставить в Китае все вверх тормашками огнем своих канонерок...

В открытом море Чайковский объявил офицерам:

– Господа! Кульджинский кризис близится к концу. Россия принимает бегущих от резни уйгуров и дунган, отводя для их расселения наше плодородное Семиречье. Из цзунлиямыня обещали нашему государю не отрубать голов послам, которые вели переговоры в начале кризиса... Теперь, – заявил Чайковский, – назревает новый кризис, Англия не даст нам спать спокойно...

Но теперь следовало ожидать нападения англичан на Владивосток и Камчатку, совсем не защищенную. «А наш солдат, – рассуждали офицеры, – топает из Москвы до этих краев пешком два-три года. В любом случае британские крейсера опередят его... Пока нет железной дороги до Золотого Рога, наш Дальний Восток всегда будет лежать на краю стола, как отрезанный от каравая ломоть». Дальневосточную Россию англичане держали в неусыпной морской блокаде, фиксируя любое перемещение кораблей под андреевским стягом. Чайковский указал штурману клипера менять курс на траверзе Окинавы. Постепенно зеленоватая вода сделалась грязно-желтой от мощного выноса речных вод Янцзы. Эйлер полюбопытствовал:

– Простите, но зачем мы суемся в Шанхай?

– Для отвода глаз... Зашвартуемся. Возьмем для приличия уголь и воду. Пообедаем в ресторане. Матросам дадим разгул, чтобы не настораживались англичане. Но если вас, офицеров, станут спрашивать о целях захода в Шанхай, отвечайте, что пришли за почтой для Струве от местных консулов...

Шанхай имел славу китайского Сан-Франциско. Британские крейсера уже торчали здесь, прилипнув бортами к набережной своего сэттльмента. Едва с клипера успели подать швартовы, как послышался цокот копыт. По набережной, обсаженной платанами, ехала кавалькада амазонок – все красивые, рыжие, длинноногие, хохочущие. Вульгарно подбоченясь, они гарцевали перед русским клипером, с вызовом поглядывая на господ офицеров; экзотические ливреи с эполетами, аксельбантами и золотыми пуговицами непристойно облевали их тела.

Атрыганьев был уже знаком с местными нравами:

– Американки. Берут страшно. Но, поднакопив на этом деле долларов в Шанхае, уплывают к себе за океан, где каждая делает себе блестящую партию, а потом эту лейб-гвардию

⁴ «Китай очень высоко оценивал свои собственные достижения и ни во что не ставил другие государства... поэтому он не умеет заимствовать лучшее у других, чтобы восполнить свои недостатки» (См.: *Ятсен Сунь*. Избранное. – М., 1964. – С. 250–251).

(Атрыганьев выразился грубее!) можно встретить на раутах в Белом доме у президента. С этими суками лучше не связываться... По себе знаю – хлещут виски, пока не свалятся...

Офицеры договаривались – где провести вечер? Матросы собирались в дешевый «Космополитэн», и Чайковский, задержав их на шканцах, строго велел, чтобы до еды руки мыли обязательно с мылом, чтобы следили за чистотой посуды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.